

Михаил Волконский

Темные силы

Михаил Волконский

Темные силы

«Public Domain»

1910

Волконский М. Н.

Темные силы / М. Н. Волконский — «Public Domain», 1910

В основе произведений одного из самых известных беллетристов начала XX века князя Михаила Николаевича Волконского – «неофициальная история» XVIII столетия, сплетающаяся из множества скандальных историй, дворцовых тайн, приключений и мистики. Интриги, власть, коварство, любовь и деньги – неизменные составляющие его авантюрно-приключенческих романов «Темные силы» и «Жанна де Ламот».

© Волконский М. Н., 1910

© Public Domain, 1910

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	13
Глава V	16
Глава VI	18
Глава VII	20
Глава VIII	22
Глава IX	25
Глава X	27
Глава XI	30
Глава XII	32
Глава XIII	34
Глава XIV	37
Глава XV	39
Глава XVI	41
Глава XVII	43
Глава XVIII	45
Глава XIX	47
Глава XX	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Волконский

Темные силы

Глава I

В отдельном кабинете лучшего петербургского ресторана стоял у окна молодой человек, видимо, в ожидании, стоял, однако, терпеливо, не выказывая никаких признаков досады.

Одет он был по последней моде того времени, как истинный щеголь. Его темно-синий фрак со светлыми плоскими бронзовыми пуговицами был отлично сшит, сидел на нем свободно, но вместе с тем нигде не давал складок и не морщил. Высокое батистовое жабо, обмотанное шелковым галстуком, подпирало ему шею. На светлом двубортном жилете из бокового кармана свешивалась коротенькая широкая часовая цепочка с брелоками. Серые брюки были почти в обтяжку и уходили в голенища лаковых вырезных сапог с шелковыми кисточками.

Стол в кабинете был накрыт на два прибора. На нем стояли фрукты в хрустальной вазе, дорогие вина и в серебряном ведре, во льду, виднелась приготовленная бутылка замороженного шампанского. Закуска, очень разнообразная, была подана отдельно.

Видно было, что молодой человек привык не только не стесняться в средствах, но и умел, что называется, тратить их с известной утонченностью, которая дается своего рода опытом, обыкновенно дорого оплачиваемым. Стоять у окна молодому человеку пришлось недолго. Тот, кого он ждал, вскоре явился.

Это тоже был молодой человек и тоже щегольски одетый по последней моде. Он поспешно вошел и, скидывая перчатки и кладя шляпу, сейчас же заговорил:

– Я опоздал, кажется? Прости, пожалуйста, но, право же, я думал, что успею вовремя...

– Нет, ты вовремя. Я приехал немного раньше нарочно, чтобы распорядиться обедом, – успокоил его ожидавший.

Они поздоровались.

Когда, выпив по рюмке водки и закусив, они сели за стол и им принесли суп в серебряной миске, приехавший позже огляделся по сторонам и, развертывая на коленях салфетку, спросил:

– Скажи, пожалуйста, что за фантазия привела нас сюда в ресторан?

Его собеседник улыбнулся:

– Тебе это кажется странным?

– Ну, конечно. Я понимаю, сюда можно приехать невзначай поужинать или позавтракать, можно, пожалуй, обедать, если дома нет ничего, но ты ведь не в таком положении: у тебя прекрасный особнячок на Фонтанке, свой повар, и вдруг ты почему-то хочешь кормить меня в ресторане, даже не в клубе, как будто мы не могли там пообедать в крайнем случае?

– Видишь ли, у меня есть на это причины.

– Вполне в этом уверен, но меня удивляет, какие они?

– Мне нужно поговорить с тобой наедине.

– Разве мы не могли это сделать у тебя дома?

– Не могли.

– К тебе приехал кто-нибудь?

– Нет!

– Случилось что-нибудь с поваром?

– Если хочешь – да, случилось...

– Жаль, хороший повар! Я любил обедать у тебя. Что же произошло?

– Произошло то, что ни этого повара, ни «особнячка на Фонтанке», как ты говоришь, у меня больше нет...

– Да не может быть! Ты себе покупаешь новый?

– Нет. Мне пришлось продать все, что у меня было, потому что ту жизнь, которую я вел до сих пор, мне поддерживать будет не по силам...

– Что же? Долги заели?

– Нет у меня долгов.

– Странный ты человек! Русский дворянин – и без долгов! Ты, право, единственный; я всегда говорил, что ты – единственный... Значит, проигрался в карты?

– Нет, дело не в картах.

– То-то! Для того чтобы тебе разориться от карт, нужен солидный проигрыш и о нем непременно говорили бы, а между тем я ничего не слыхал... Ведь судя по тому, как ты жил, у тебя было хорошее состояние.

– Состояния у меня никогда не было. Я получал тысячу рублей в месяц. Вот и все...

– Тысячу рублей в месяц! Это слишком хорошо на одного! Откуда ты их получал?..

– Как тебе сказать? Не знаю...

– Что за пустяки!.. Тысяча рублей в месяц – неизвестно откуда! И это что-то не совсем правдоподобное.

– А между тем это так. Я получал до сих пор по тысяче в месяц, а теперь ничего получать не буду.

– Неприятная перемена – надо правду сказать!.. Но раз ты заговорил со мною о своих делах, рассказывай подробности – они слишком интересны...

– Для этого я и позвал тебя сюда обедать. Видишь ли, мы до сих пор были друзьями и, надеюсь, ими останемся. Так вот слушай. Кроме тебя, у меня никого близкого нет. Я никогда не знал ни отца, ни матери, ни сестры или даже дальних родственников. И ни с кем в жизни, кроме тебя, не сходилась. Знаю я почти весь Петербург, но друг – один ты мне...

– Все это прекрасно! Но ведь ты же дворянин и знаешь свое происхождение.

– Да, я дворянин по паспорту и значусь Александром Николаевичем Николаевым... Николаевых слишком много... Родословную свою я никак не мог установить, да и не только родословную, но и ни у кого не мог допытаться, кто же мой отец и мать.

– Ты говорил, что они умерли, когда ты был ребенком.

– Я говорил так, чтобы избежать дальнейших расспросов. На самом же деле я не знаю, умерли они или нет, где они и кто они.

– Разве у тебя нет метрического свидетельства?

– Нет. У меня только паспорт, выданный нашим посольством в Париже. Детство свое я провел там, там же и воспитывался.

– Хорошо, но ведь кто-то должен был воспитывать тебя?

– Меня воспитал старик, которого я звал по имени и отчеству – Иваном Михайловичем.

– Но у него была фамилия?

– В Париже он жил под фамилией Люсли, но я не убежден, что она подлинная.

– Странно! А где этот старик?

– Он умер и умер скоропостижно, от удара. Однако он словно предчувствовал свою смерть. Он призвал меня к себе и передал мне пакет с тем, что если что случится с ним, то я должен этот пакет распечатать и поступать сообразно данным там мне указаниям. Я знаю, что через неделю он умер.

– И ты распечатал пакет?

– В нем были паспорт, чек на двадцать тысяч франков и письмо. В письме мне было сказано, что я должен оставить Париж, отправиться в Петербург и устроиться там на эти двадцать тысяч франков и что затем я буду получать ежемесячно по тысяче рублей через

банкирскую контору... Все так и было. Как оно ни кажется тебе странным – мне все это представлялось совершенно естественным и казалось, что так и будет всегда продолжаться. Однако в прошлом месяце управляющий сказал мне, что выдает деньги в последний раз и что больше я получать их не буду. Обстоятельства изменились. Я почему-то лишился выдачи и никаких других объяснений мне дано не было. Как я его ни расспрашивал – ничего не смог от него добиться.

– Что же ты теперь намерен делать?

– Не знаю. Поступлю на службу, буду жить на жалование. Я успел составить кое-какие знакомства, авось помогут. Вообще надо будет предпринять что-нибудь.

– Да. Но тебе тяжело покажется так круто изменить свою жизнь... Ты привык к известной обстановке, к известному обществу.

– Я надеюсь, что общество, в котором я был принят, не отвернется от меня только потому, что я обеднел. Дурного я ведь ничего не сделал!

– Ну зачем такие слова: «отвернется» и прочее. Дело в тебе самом. Тебе самому трудно будет бывать там, где ты бывал до сих пор. С маленькими средствами поддерживать такие знакомства совершенно невозможно. Ну так возьми вот; ведь мы с тобой друзья.

– Я думаю, что друзья.

– И я тебя очень люблю. А между тем, как ты думаешь, мыслимы ли будут прежние отношения между нами?

– Отчего же нет? Я не понимаю...

– Как же ты не понимаешь?! Это так просто. На твое грошовое жалование, которое ты рассчитываешь получать, дай Бог тебе просуществовать так, чтобы иметь самое необходимое – прямо скажу, чтобы не умереть с голоду. Не могу же я, однако, только потому, что у тебя не будет средств, бросить свои привычки? Я буду по-прежнему выезжать и бывать в театрах, и обедать, и ужинать в холостой компании... На это у тебя денег не будет, и ты волей-неволей отстанешь от меня. Конечно, это ужасно, мне тебя жаль от всей души, но таковы обстоятельства. Говорю я это потому, что считаю тебя умным человеком и другом, именно, говорю как другу...

– Постой, как же это так? Ты считаешь меня своим другом, а между тем хочешь разойтись со мной...

– Да я не хочу разойтись. Пойми ты! Напротив, мне будет не хватать тебя в нашей компании, но что делать, если ты должен выйти из нее не имея средств? Согласись, я не виноват в этом! Ведь не могу же я платить за тебя! У меня нет такого состояния, да и ты сам, наверное, не пожелаешь...

– И это – твое последнее слово?

– Да не мое, это – слово благоразумия. Ведь мы не дети, чтобы относиться к таким серьезным вещам легкомысленно. Надо понимать, мой друг...

– Я понимаю, – проговорил вдруг с внезапно изменившимся, побледневшим лицом разоренный, обездоленный судьбой Николаев. – Я понимаю, что вы, граф Савищев, которого я до сих пор считал своим другом, не стоили этого, потому что вы – мелкий и жалкий человек. Лучше всего оставьте меня и уйдите...

Он встал и, вытянув руку, указал на дверь...

Граф Савищев вскочил со своего места. В первую минуту он вспыхнул весь, но сейчас же сдержал себя, улыбнулся, пожал плечами и пробормотал, как будто про себя:

– Ну вот как люди меняются в новом положении! Достаточно было лишиться средств, чтобы начать ругаться совсем по-мещански...

Он быстро схватил свою шляпу и вышел из комнаты, ничего не сказав на прощанье.

Глава II

Время, в которое жил Александр Николаевич Николаев, или, как звали его в приятельском кругу, просто Саша Николаич, было временем чувствительных стихов, томных взглядов, беззаветной веры в идеалы любви и дружбы, в сродство душ; временем альбомов, храмов в парках, разбитых урн под плакучими березами, сувениров, медальонов с хитро сплетенными, таинственными литерами из волос – словом, всех атрибутов господствовавшего тогда сентиментализма.

Александр Николаевич, может быть, в силу своего до некоторой степени исключительного положения был одним из самых восторженных.

Судьба сложилась для него так, что само его существование представлялось романтическим. Разумеется, это не могло не повлиять на него, и он, с одной стороны, был разочарован вообще, а, с другой, верил, что на свете есть душа, которая тоскует по его душе и которую он должен найти, и есть идеальный человек, способный для него на самоотверженную, беззаветную дружбу.

Тоскующей души он еще не нашел, хотя приглядывался ко многим девушкам, что же касается дружбы, то в этом отношении он был уверен, что обрел то, что искал, в лице графа Савищева.

Поэтому понятно, что должен был испытать Саша Николаич, когда сообщил графу о происшедшей перемене в своих денежных делах, а тот вовсе не оказался на высоте своего положения. Понятен так же и тот повышенный, выпененный тон, с которым Саша Николаич прогнал Савищева, театральным жестом указав ему на дверь.

Когда граф вышел, Саша Николаич, оставшись один, опустил голову и закрыл лицо руками.

Тяжелые минуты переживал он. В самом деле, лучший друг изменил ему именно тогда, когда была нужна его поддержка.

Николаев не сознавал, разумеется, что в действительности граф Савищев был обыкновенный смертный, самый заурядный и что он сам, Саша Николаич, в своем воображении наделил его какими-то особенными качествами.

Как бы то ни было однако, разочарование оказалось болезненным и заставляло страдать неподдельной скорбью.

– О Господи! – вздохнул Саша Николаич, но тотчас же поднял голову и отнял руки от лица. Ему почудилось, что кто-то вошел.

Он не ошибся. Перед ним стоял некий господин, совершенно ему незнакомый.

Внешность этого господина, хотя и вполне приличная, даже изысканная, все-таки с первого взгляда не внушала симпатии. Особенно неприятными казались его угловатые, как будто заостренные уши, рыжие волосы с начесанным коком и зеленовато-серые глаза. Его одеяние: манишка, жабо, галстук – было безукоризненным.

– Что вам угодно? – спросил удивленный Саша Николаич, видя, что незнакомец не выказывает желаний уходить как человек, ошибшийся дверью, а, наоборот, продолжает смотреть на него с явным намерением вступить в разговор.

– Я хотел бы поговорить с вами, – заявил незнакомец и, не ожидая приглашения, без церемоний подошел к столу и сел. – Я потому, – пояснил он, – решаюсь беседовать с вами, что мой разговор будет вам полезен и, может быть, выведет вас из того затруднительного положения, в котором вы теперь находитесь. Потерять тысячу рублей ежемесячного дохода и очутиться внезапно ни с чем – штука плохая.

– Откуда вы знаете это, и кто вы такой? – опять удивился Саша Николаич, широко открытыми глазами глядя на незнакомца.

– Видите ли, – заговорил тот, – я мог бы сейчас сочинить какую-нибудь историю, более или менее сложную, доказывающую мое всеведение, или что-нибудь в этом роде. Дело тут очень простое. Я сидел рядом и слышал весь разговор с бывшим вашим другом. Там слышно каждое слово...

Он показал на запертую дверь, соединявшую кабинет, где они сидели, с соседним.

– Так что же вы, собственно, хотите? – продолжал недоумевать Саша Николаич.

– Помочь вам и больше ничего.

– Помочь мне? В каком это смысле?

– В самом непосредственном. Если мы сойдемся с вами – вы будете так же получать тысячу рублей в месяц как и до сих пор.

– От кого?

– Не все ли вам равно?

– Однако...

– Да ведь получали же вы до сих пор деньги неизвестно откуда?

– Но это меня ни к чему не обязывало. А вы говорите, что я должен в чем-то «сойтись с вами».

– Да, разумеется, это необходимо. С вашей стороны потребуется исполнение некоторых условий...

– Каких же?

– Не очень замысловатых: слушаться меня и беспрекословно исполнять мои требования...

– Что за вздор! – усмехнулся Саша Николаич. – Вы, вероятно, выпили лишнее и говорите пустяки.

Незнакомец усмехнулся и переспросил:

– Отчего же пустяки?

– Да ведь как же! Вы хотите, чтобы я исполнял ваши требования и слушался вас, когда я даже понятия не имею, кто вы такой и откуда вы.

– Но это не даром, Александр Николаич... Ведь тысяча рублей в месяц!

– Вы знаете мое имя? – невольно воскликнул Александр Николаич.

– И фамилию тоже, – подтвердил незнакомец. – Вы – Александр Николаевич Николаев. Я вас встречал и раньше, только нам до сих пор познакомиться не пришлось... Так ведь тысяча рублей в месяц!.. Подумайте!

– Да и думать нечего! – решительно сказал Саша Николаич. – Оставьте меня в покое! Ни на какие сделки из-за ваших денег я не пойду!..

– Я ожидал этого, – словно обрадовался незнакомец, – иначе с первого раза вы ответить и не могли...

– Тогда зачем вы начали этот бесполезный разговор, если заранее знали мой ответ?

– Я знаю, что с вами случится в более или менее отдаленном будущем.

– И что же?

– Вы придете ко мне и будете более сговорчивым, чем теперь.

– Послушайте, это дерзость!

– Нисколько. И опять-таки вовсе не предвидение или всеведение, а простой расчет. На всякий случай я вам оставляю свою карточку, тут написан мой адрес.

– Да уйдите вы от меня! – не выдержал Саша, наконец. – Оставьте меня в покое, мне, право, не до вас теперь и не до ваших расчетов!

Наглая, упорная назойливость этого господина взбесила его.

Незнакомец не настаивал больше. Он вынул карточку, положил ее на стол и выскользнул из комнаты, словно его тут и не было.

Саша Николаич встал и дернул за сонетку, чтобы позвать лакея. Когда тот явился, он заплатил ему по счету и, не взглянув даже на лежащую на столе карточку незнакомца, ушел из ресторана.

Глава III

Весть о случившемся с Николаевым крутом изменении денежных обстоятельств разнеслась быстро, так что в тот же день вечером, заглянув в клуб, он там увидел совершенно иное отношение к себе.

Молодые люди, его недавние приятели, не встретили его по обыкновению радостными восклицаниями, а держались с ним как-то конфузливо, разговаривали отрывками и звали его полностью по имени и отчеству, а не просто Саша Николаич как прежде. Старики, то есть более почтенные и важные члены клуба, те и вовсе не замечали его или же только кивали головой, не подавая ему руки. Среди всех этих людей не нашлось ни одного, который отнесся бы к нему сочувственно.

Главной причиной тут было вовсе не то, что Николаев лишился средств, — это имело лишь косвенное посредствующее влияние.

От Александра Николаевича отвернулись потому, что он был без роду и племени, а держал себя в обществе словно имел видную родню, не замечал, что ему теперь нужно быть потише, имея одних знакомых, а родственников — никого, и что скрывал от них это раньше. Теперь же это всплыло.

Поусердствовал, разумеется, оскорбленный Сашей Николаичем граф Савищев. После сцены в ресторане он направился прямо в клуб, чтобы спросить себе там обед, потому что еда с Сашей Николаичем для него была прервана в самом начале и насытиться он не успел. Здесь, в клубе, Савищев сейчас же стал рассказывать, что известный всем Николаев на самом деле просто-напросто авантюрист, с которым нужно быть осторожным, он рассказывает историю о каких-то якобы тысячах рублей, получавшихся им неизвестно откуда, а теперь будто бы отнятых у него, но это едва ли вероятно. Вернее же, он просто добывал свои средства темными делами, а теперь боится попасться и потому бросает прежние занятия, уверяя, что разорился. Во всяком случае, факт тот, что этот неизвестно откуда взявшийся человек — нищий и водиться с ним надо с осторожностью.

Граф Савищев также говорил обо всем убедительно, и его словам было больше веры потому, что именно он до сих пор был ближе всех к Николаеву.

Новость явилась очень интересной, стала быстро передаваться, и все говорили только о ней.

- Вы слышали, Николаев-то...
- Какой Николаев?
- Да этот, Саша Николаич...
- А, Саша Николаич! И что же он?
- Да оказался авантюристом, чуть ли не шулером...
- Не может быть!
- Да вот граф Савищев рассказывает, подите к нему...

И шли к графу Савищеву, и тот снова рассказывает и, повторяет свои доводы, злобствуя на прежнего «друга».

Пущенное вовремя словцо «авантюрист» тоже сделало свое дело, окончательно и сразу испортив репутацию Саши Николаича.

Словом, когда он поздно вечером заглянул в клуб, там уже все были восстановлены против него, и ему только оставалось пожалеть, зачем он явился сюда.

Он понял, что это работа графа Савищева, почувствовал к нему еще большее омерзение, но не стал так или иначе рассеивать впечатление или объясняться. Ему было все равно.

Такое же отношение, как и в клубе, встретил Саша Николаич во всех других местах. В театре его не замечали, на улице отворачивались от него. Если и принимали где-нибудь,

то очень сухо, а в большинстве случаев ему отвечали, что «дома нет». Даже в тех домах, где недавно еще за ним ухаживали, как за богатым женихом, теперь он находил двери закрытыми.

Попробовал было Саша Николаич обратиться к лицам влиятельным, которые его знали и были к нему благосклонны, но и в них произошла перемена. Он объяснял им свое положение, они его молча выслушивали, качали головами и говорили, что ничего сделать не могут.

Саша Николаич был настолько наивен, что просил сам за себя, воображая, что этого достаточно, и не понимая, что в особенности в таком городе, как Петербург, для того чтобы получить что-нибудь, нужна прежде всего протекция, то есть чтобы просили другие.

У Саши Николаича кроме самого себя «других» не было никого.

Глава IV

Так или иначе, однако Саше Николаичу приходилось устраиваться. Житейским опытом и практичностью он не отличался. Да и негде ему было приобрести их.

До сих пор он всегда жил на всем готовом, привык располагать деньгами и тратить их, и не у кого ему было поучиться, как жить дешево.

Оставшись без «средств», то есть без определенной полочки в будущем тысячи рублей в месяц, Саша Николаич поступил, может быть, даже слишком решительно, круто изменив свою жизнь. Он отпустил прислугу, которая служила у него по найму, продал свой особняк, обстановку, лошадей, даже лишнее платье, кольца, трости, булавки и запонки.

Вырученная сумма, если и не была чрезмерной, то, во всяком случае, позволяла жить без бед длительное время.

Решив расхотеть как можно меньше, он пошел подыскивать себе комнату с мебелью и столовой (он слышал, что такие комнаты дешевле и что в них проще живется), не представляя себе, как он будет довольствоваться дальше таким помещением. Вероятно, это было основной ошибкой с его стороны.

Сумей он сохранить показную внешность – от него не отвернулись бы так скоро и помогли бы ему выбиться в люди. Но он не хотел этого.

Комнату он себе взял в сущности первую же попавшуюся.

Выйдя на поиски, он вскоре наткнулся на одноэтажный деревянный домик с пятью окнами на улицу и покосившимся крыльцом. На потускневшем от пыли и времени стекле крайнего окна был наклеен большой билет с четкой и вполне грамотной надписью: «Сдается роскошно мебелированная комната». Саша Николаич направился к двери и вошел в сени.

В те патриархальные времена наружные двери затворялись только на ночь, а о звонках и помина не было.

Из сеней Николаев вошел в темную переднюю, довольно большую, но тем не менее тесную от наставленных в ней шкафов и ящиков. Против входной была другая дверь в комнату, где виднелся край буфета и обеденный стол.

– Кто там? – спросили из этой комнаты, и сейчас же в двери появился лысый человек в халате и с трубкою.

Выражение его лица казалось не особенно добродушным и приветливым. Сморщенные, слезящиеся глаза неприязненно смотрели из-под клочков нависших бровей, углы губ были опущены вниз, щетинистый, колючий подбородок выдавался вперед, придавая лицу особенно неряшливый вид, который подчеркивали также и мятая рубашка, и обвисшие шаровары, казавшиеся не особенно чистыми.

Однако едва лишь только человек разглядел приличную одежду Николаева, как сейчас же выражение его лица изменилось и стало сладенько заискивающим.

– Что вам угодно? – пропел он, запахивая свой халат.

– У вас сдается комната?

– Ах, вы насчет комнаты? Очень приятно! Вы для себя желаете ее снять или для кого другого?

– Для себя.

– Очень приятно, очень приятно... Комната роскошная, со всеми удобствами. Вот пожалуйста сюда! Позвольте отрекомендоваться: титулярный советник Беспалов. А позвольте узнать, с кем имею честь?

Саша Николаич назвал себя.

– Очень приятно, – повторил Беспалов и отворил из передней дверь направо. – Вот это и есть комната, – пояснил он.

Комната была в одно окно, окрашена клеевой краской, с белым деревянным полом, хотя и вымытым, но все-таки не особенно чистым.

У окна помещался ясеневый изрезанный ножом стол. У одной стены стояли шкафы, у другой – кровать, отгороженная китайскими ширмами. Вся обещанная роскошь, по-видимому, и заключалась в этих ширмах, впрочем, сильно потертых, да еще, пожалуй, в кисейной занавеске на окне.

В качестве предмета роскоши и произведения искусства над диваном в деревянной рамке без стекла висела засиженная мухами гравюра, изображавшая голую женщину, раскинувшуюся под ракитой вроде как бы на софе.

Пахло чем-то кислым и затхлым.

Саша Николаич огляделся. Все ему тут не понравилось, а в особенности гравюра.

– Роскошное помещение, – продолжал между тем титулярный советник, одной рукой прижимая полу халата к животу, а другой – махая трубкой в воздухе. – Обратите внимание на эти ширмы! Они мне достались по наследству от графини...

Он запнулся и не договорил, от какой именно графини.

– Вот гравюра-то уж очень... как будто... – проговорил Саша Николаич, не зная, что еще сказать.

– Она вам не нравится? – подхватил Беспалов. – Ее можно снять и заменить другою. Хотите фрукты или изображение букета цветов. У меня есть и то и другое.

Он подошел к дивану, протянул руку, взялся было за гравюру, но под нею оказалась такая залежь пыли и паутины, что он поскорее оставил ее.

– Вам как угодно комнату, – обратился он к Саше Николаичу строго, словно недовольный именно тем, что под гравюрой была пыль и паутина, – со столом или без него, то есть у нас будете столоваться или брать из трактира? Я должен вас предупредить, что я очень требователен на еду. Я требую, чтобы была закуска – горячая и холодная, затем что-нибудь тяжелое – цыплята в эстрагоне... Ну и пирожное, пломбир или мусс. Да вы, пожалуйста, идите в столовую к нам... там и разговаривать-то будет удобнее...

Беспалов сразу сообразил, что Саша Николаич будет для него выгодным жильцом, и потому не хотел упускать его.

А тот мялся, думая только об одном, как бы уйти от этого назойливого человека.

Но Беспалов оказался действительно настолько назойливым, что заставил-таки его снять плащ и войти в столовую.

Столовая, прокуренная и прокопченная длинная комната, служившая, очевидно, вместе с тем и гостиной, потому что по стене стояли диван и два кресла с покосившимися ножками, была и кабинетом, потому что у окон помещался круглый стол с чернильницей, двумя книгами и номерами старых петербургских «Ведомостей».

У этого стола сидела молодая девушка в темном, скромном платье, наклонившись над шитьем.

Когда вошел Саша Николаич, она подняла голову. Этого было достаточно, чтобы сразу все переменялось, и Саша Николаич сейчас же решил – будь что будет, а комнату он оставит за собою.

Такой красоты он никогда не видал. Таких черных густых волос ни у кого не было; больших, задумчивых, бархатных, темных, как агат, глаз – тоже. Это была строгая, холодная красота с правильными чертами, поражающая с первого взгляда.

Беспалов шаркнул ножкой, хихикнул и, щуря глазки, проговорил Саше Николаичу:

– Это-с моя воспитанница Маня... Будьте знакомы...

Он уже подметил, какое впечатление произвела его воспитанница на молодого человека, и ясно было, что он именно рассчитывал на это впечатление, настаивая на том, чтобы Саша Николаич вошел в столовую.

Глава V

– А это – мой сын Виталий, – представил он сидевшего в углу длинного юношу, которого Саша Николаич не заметил при входе.

Юноша встал, вытянулся и поклонился, но не по направлению к гостю, а несколько в сторону.

– Он слепой, – пояснил Беспалов. – Садитесь, пожалуйста.

Саша Николаич сел, не заставляя себя просить вторично.

Ему, конечно, хотелось побыть в обществе замечательно красивой девушки, приглядеться к ней и проверить, действительно ли она так хороша, как кажется первого взгляда.

– Так сколько стоит комната за месяц? – спросил он, обращаясь к Беспалову.

– Вы хотите помесечно? – спросил тот, нахмутив брови и сделав серьезное лицо.

– Да мне все равно – тут срок не играет роли; угодно вам, так на год...

– На год? И со столом?

– Что ж, пусть будет со столом...

– Да, если со столом...

Беспалов предлагал эти вопросы, а сам обдумывал, сколько ему спросить с этого, по-видимому, совсем неопытного молодого человека.

Он уже видел, что обыкновенную цену возможно увеличить до необыкновенной, но прикидывал только размеры последней, чтобы вышло не слишком много и не слишком мало.

– Вот что я с вас возьму, – наконец решил он, – со столом и услугами, словом, на всем готовом сорок пять рублей в месяц...

Он выговорил это и остановился. Маня как будто вздрогнула и взглянула на Беспалова.

По тогдашнему времени эта цена была очень высокой. Самое большее, на что они могли рассчитывать, это двадцать рублей, которых и то было за глаза, а тут вдруг сразу – сорок пять.

Сам Беспалов словно смутился и, потупившись, умолк, стараясь поскорее придумать какой-нибудь почетный предлог для отступления.

Но Саша Николаич ничуть не был смущен. Привыкнув проживать тысячу рублей в месяц, он даже никак не ожидал, что можно устроиться на всем готовом всего за сорок пять... Для него это было приятное открытие. В порядочном ресторане пообедать вдвоем стоит почти столько же, а тут – и стол, и помещение.

– Я согласен, – заявил он, – комнату оставьте за мной. Угодно вам получить задаток?

Беспалов просиял.

– Позвольте, я сию минуту расписочку, – заторопился он. – Очень приятно... Какой угодно размер задатка?

Саша Николаич улыбнулся и ответил:

– Да все равно! Ну двадцать рублей. Довольно?

– Вполне! – подхватил Беспалов. – Очень приятно... На двадцать рублей...

Красавица Маня и по ближайшем, так сказать, рассмотрении, не только не потеряла, но, напротив, выигрывала. Чем больше всматривался в нее Саша Николаич, тем больше она ему нравилась. Всматривался он осторожно, уголком глаза и был уверен, что это никому не заметно.

Наняв не торгуясь комнату, он умышленно ограничился с Беспаловым деловым разговором, чтобы показать молодой девушке, что вовсе не желает навязывать ей свое знакомство.

Вручив задаток и получив расписку, Саша Николаич раскланялся, причем отвесил Мане самый изысканный поклон.

Она ему ответила простым и милым кивком головы, без всякого жеманства, так свободно, как могла это сделать только очень хорошо воспитанная девушка.

Вообще Саша Николаич должен был убедиться, что в Мане не было ничего мещанского, несмотря на всю мещанскую обстановку, окружавшую девушку.

Беспалов проводил Сашу Николаича до входной двери и даже голову высунул на улицу, а затем, вернувшись в столовую, широко расставил руки, притопнул и повернулся полным оборотом, распустив полы халата по воздуху.

– Какова штучка?! – произнес он, прищелкнув пальцами. – Всю жизнь можно сказать не везло и вдруг такой сюрприз! Теперь, – обернулся он к молодой девушке, – вам одно могу сказать, сударыня, не зевай!!

Маня взглянула на него, не подымая головы, и продолжала шить.

Беспалов снова расставил руки, но на этот раз не повернулся, а присел.

– Не желаете удостоить ответом? «И без тебя, мол, все знаю и понимаю!» Даром, что смиренный вид на себя напустили, будто шитью всецело преданы, а на самом деле все видели!

Маня наморщила брови, недовольным движением передвинула шитье на коленях и проговорила:

– Да будет вам!

– Нет-с, не будет! – подхватил Беспалов. – Сорок пять рублей в месяц, и это не торгуясь! А глазами-то, глазами-то так и косит на тебя! И я прямо говорю тебе, Маня, не зевай! Он человек, видимо, высшего круга – и манеры, и осанка, и прочее... Связи, видимо, в высших слоях... Карьера, не нам чета!.. Залетит высоко! А ты за него вовремя уцепись, чтобы он и тебя потянул, а упустишь время – потом не достанешь!

– Я одного не понимаю, – остановила его Маня, – зачем вы называли меня воспитанницей?

Беспалов повертел пальцами у себя передо лбом.

– Потому, сударыня, что у меня игра ума и сообразительность: скажи я ему, что вы – моя дочь, да, может, он бы и внимания на нас не обратил! Потому к вашей внешности такой отец, как я, вовсе не подходит! Ну а воспитанница на воображение действует! И сейчас же сочувствие... Бедная, дескать, девушка, вероятно, страдает, а, Бог ее знает, может она и графского происхождения!

– Да ведь все это неправда!

– А вы попробуйте, проживите правдой!.. Да уж будто вы и сами такая правдивая?!

– Неправда, которая может быть легко раскрыта! – договорила Маня.

– Ну улита едет, когда-то будет! – протянул Беспалов. – А пока что двадцать рублей задатка в наличии и сорок пять рублей ежемесячно в будущем! Я полагаю, что у него и теперь должны быть средства хорошие!

– Отчего это вы полагаете? – вдруг спросил слепой из своего угла. – По-моему, он нищий!

– То есть как это нищий? – рассердился Беспалов.

– Да кто же с хорошими средствами станет сорок пять рублей в месяц за комнату платить?.. Один мизер! – проговорил он тягуче глухим голосом и снова погрузился в свои думы.

Беспалов махнул на него рукой и стал выбивать трубку о подоконник.

Глава VI

У Агапита Абрамовича Крыжицкого, господина появившегося перед Сашей Николаичем в ресторане и оставившего свою карточку, на которую тот даже не обратил внимания, собрались гости. Их было шестеро; сам хозяин был седьмой.

Казалось, явились они в довольно скромную и в всяком случае обыкновенную квартиру Крыжицкого просто для того, чтобы провести свободное время без всякой определенной цели.

Между тем это только казалось.

Хотя ни комната, служившая, по-видимому, кабинетом – так как в ней был круглый письменный стол – ни обстановка не должны были соответствовать ничему таинственному или загадочному, но на самом деле у Крыжицкого собрание вышло не совсем заурядным.

Сначала он и его гости сидели и разговаривали о совершенно незначительных вещах, как могут разговаривать только добрые приятели. Но это продолжалось до тех пор, пока к ним не присоединился восьмой, которого они, очевидно, ожидали.

Этот восьмой вошел, ответил общим поклоном на приветствие поднявшихся ему навстречу остальных и сел, не ожидая приглашения, у круглого стола, где были приготовлены бумага, чернила и очиненные перья. Он отодвинул бумагу, вынул из кармана белую кокарду и приколол ее к отвороту своего фрака.

Остальные семь сделали то же самое, только кокарды у них были иного цвета: красная, фиолетовая, синяя, голубая, зеленая, желтая, оранжевая.

У Крыжицкого была желтая.

Главным, как бы председателем, тут был не Крыжицкий, хотя собрались у него, а вот этот, с белой кокардой, пришедший позже всех.

И по росту, и по осанке он выделялся среди них: высокий, стройный, худой, он был уже не молод, насколько можно было судить по его длинным, закинутым назад вьющимся седым волосам. На его лице складками лежали морщины, и только выпуклые черные глаза блестели особенно ярким, несвойственным старости блеском.

Остальные семь человек, нацепив кокарды, особенного подобоострастия перед председателем не выказали. Они остались в тех же совершенно непринужденных позах, в каких были раньше. Один даже совершенно развязно обернулся и спросил:

– Ну что, есть известия из Крыма?

Председатель отрицательно покачал головой и ответил:

– Никаких!

– Да что она там, забыла о нас, что ли?

– Экий ты... – стал возражать Крыжицкий, – разве близок свет Крым?! Пока оттуда придет что-нибудь!

– Ну а что этот молодой человек? – обратился к нему председатель.

– Николаев? – переспросил Крыжицкий.

– Да.

– Еще не являлся. Моей визитной карточки тогда, в ресторане, он так и не тронул на столе и даже не прочел моего адреса.

– Надо было все-таки дать ему знать; нельзя ни в коем случае упустить его!

– Я взял его на себя, – успокоил Крыжицкий, – так уж и сделаю все, что нужно. Надо дать ему время почувствовать свое новое положение.

– А где он теперь?

– Нанял комнату у одного чиновника и переехал туда.

– Ну так ты следи за ним, – сказал председатель и, сочтя разговор о молодом человеке законченным, достал из кармана довольно увесистый кошелек и сказал:

– Получена ассигновка из Франции!

Лица у присутствующих посветлели. Один Крыжицкий совершенно равнодушно глядел на то, как председатель раздвигал кольца кошелька и доставал оттуда золотые монеты, блестящие при свете яркой масляной лампы.

Председатель разложил монеты на семь равных стопок и показал на них: получайте, дескать.

– Надо отдать справедливость, – заметил член этой компании с голубой кокардой, – счет в Париже ведут добросовестно!

– Лишь бы быть здоровым! – улыбнулся другой, пряча деньги в карман.

– А у меня есть новость, – сказал третий, у которого была красная кокарда. – Не знаю только, можно ли будет тут сделать что-нибудь?!

– Говори, а там посмотрим! – остановили его.

– Дело в том, что существует графиня Савищева!

– Ее сын – приятель с моим Николаевым! – вставил Крыжицкий. Он уже называл Сашу Николаича «своим».

– Ну так вот у этой графини, – продолжал начавший разговор, – состояние от умершего мужа, и оно, по завещанию, перешло к ней. Но в этом завещании есть один прелюбопытный пункт: там сказано, что графиня может пользоваться и распоряжаться наследством как собственностью до тех пор, пока она носит фамилию Савищевой. Это муж сделал для того, чтобы она не вышла замуж после его смерти.

– Имение у него, значит, было благоприобретенное, а не родовое, раз он мог оставить его жене, а не сыну? – спросил Крыжицкий.

– Родовое имение у него было пустячное: маленькие земли в Тверской губернии; они перешли к сыну, а деньги у него были благоприобретенные и положены в банк, так что вдова их тронуть не может, а наследство состоит в процентах.

– Много?

– Да, в банке лежит миллион.

– Неужели миллион? Откуда же граф благоприобрел его?

– На его имя казенные подряды давались.

– Ты изучил это дело или только намереваешься приняться за него? – остановил говорившего председатель.

– Нет, изучил до некоторой степени, в подробностях! – подхватил тот.

– И убедился, что одному тебе нечего делать тут, потому решил поделиться с нами своими сведениями? – спокойно проговорил председатель.

– Нет, отчего же! – стал оправдываться человек с красной кокардой, – Я бы все равно сообщил.

Но председатель, видимо, хорошо знал, что говорил.

– Вот видишь ли! – усмехнулся он. – Дело с наследством графини Савищевой слишком интересно для всех нас, чтобы мы, со своей стороны, не следили за ним. И я знаю, что и Синий, и Зеленый, и Голубой тоже знакомы с ним немного.

Перечисленные при этих словах неожиданно смутились и потупились. Они, действительно, каждый отдельно, думая, что делает это в полной тайне, намеревались воспользоваться выгодным, на их взгляд, делом...

Глава VII

– Ну что же, значит я не один! – проговорил Красный. – Но только я и подозревать не мог, что еще трое заняты тем же делом!

– Так же, как и они не подозревали, – сказал председатель, – что дело известно еще кому-нибудь, кроме них, а главное, что ваши розыски известны и мне!

Синий кивнул головой и, как бы желая играть в открытую, прищелкнул языком и протянул:

– М-м-да!

Голубой ничего не возразил, а Зеленый начал было отнекиваться.

– Всего третьего дня, – остановил его председатель, – ты рассматривал духовное завещание графа Савищева у нотариуса.

– Ну, и больше ничего! – возразил Зеленый. – Больше я ничего не знаю.

– Хотя этого вполне достаточно для начала дела, – перебил его председатель, не церемонившийся в своем разговоре. – Этот миллион должен попасть к нам сообща, одному тут не справиться! Ну, говори, – обратился он к Синему, – что ты знаешь о графе Савищеве и графине и что ты думаешь об этом деле?

– Я думаю, – начал Синий, – что если бы нашлась возможность к тому, что графиня Савищева изменила свою фамилию, то это был бы большой шаг вперед.

– Ты что же, хочешь выдать старуху замуж? – насмешливо вставил Зеленый.

– Нет, есть иной способ!..

– Какой же?

– А хотя бы добиться задним числом расторжения брака ее с графом, то есть признать ее брак незаконным! Граф-завещатель не предвидел этого случая, между тем если брак будет расторгнут, графиня лишится фамилии и по букве завещания должна будет лишиться и наследства.

– Но тогда оно перейдет к его сыну!

– Ты поглупел! – возразил Синий. – Если брак будет расторгнут, значит и сын тоже будет незаконным и наследовать ничего не сможет, а наследство должно будет перейти в руки дочери брата графа Савищева, который тоже умер, и его дочь – единственная наследница. Где она теперь – неизвестно, но, очевидно именно в силу этой своей неизвестности, ее обстоятельства не блестящи и ее можно будет склонить к послушанию. Надо будет только найти ее.

– Ну, а главное-то? – спросил Крыжицкий. – Есть хоть какая-нибудь возможность самый-то брак объявить незаконным?

– На этот счет у меня уже составил план, – подхватил Синий. – Впрочем, может быть, мы сообща придумаем что-нибудь лучше!

– Придумывать тут нечего! – остановил председатель, – И никакие измышления не нужны. Дело в том, что в метрическом свидетельстве, по которому венчалась графиня, ее годы уменьшены на пять лет. Это ее маменька смастерила, чтобы скрыть года дочери и выдать, что она моложе, чем на самом деле; этого будет достаточно, если иметь в руках метрическое свидетельство – на нем сделана подчистка. С хорошими деньгами это можно будет оборудовать.

– Да нам все уже известно! – воскликнул Красный. – У вас уже все дело как на ладони!

– Как видишь! – усмехнулся опять председатель. – И напрасно ты терял время, чтобы производить розыски по нему.

– Теперь, значит, прежде всего, – проговорил Крыжицкий, – надобно достать почищенную бумагу, метрическое свидетельство, а затем найти наследниц. Есть хоть какие-нибудь указания, где она?

Председатель отрицательно покачал головой и ответил:

– Никаких.

– Тогда надо их найти! – решительно произнес Оранжевый, молчавший до сих пор.

– Надо их найти! – повторил председатель. – И этим займитесь вы! А добыть метрическое свидетельство мы поручим Желтому; пусть он это сделает.

– К сожалению, я с ней не знаком и она меня не знает! – сказал Крыжицкий, у которого была желтая кокарда.

Председатель пожал плечами и спокойно произнес:

– Ты пойдешь к ней и заинтересуешь ее делом оберландовского наследства, скажешь, что она якобы может получить его, а когда войдешь с ней в сношения, добьешься того, что она передаст тебе свои документы для хлопот по этому наследству.

Крыжицкий молча наклонил голову в знак согласия и того, что он понял все и в дальнейших указаниях не нуждается.

– Ну, – заключил председатель, – на этот раз довольно! Соберемся опять через месяц, на этот месяц работы всем хватит; надо поретивее взяться за это дело, а то мы уже давно не предпринимали ничего крупного, даже перед Парижем и Крымом стыдно. Так надо, чтобы через месяц все было налажено!

И с этими словами он встал, кивнул всем головой и вышел.

– Надо отдать ему справедливость: ловок! – подмигнул вслед ушедшему председателю Красный.

– Н-да-а! Этого не надуешь!.. Все знает! – согласился Синий, отстегивая свою кокарду и пряча ее в карман.

Остальные тоже сняли свои кокарды, спрятали их и опять стали обыкновенными людьми, гостями Крыжицкого.

И Крыжицкий, которого они опять стали называть Агапитом Абрамовичем, как добрый хозяин, пригласил их в столовую закусить чем Бог послал.

Глава VIII

Эти люди, собравшиеся у Агапита Абрамовича под видом гостей на тайное заседание, очевидно, принадлежали к одному из секретных обществ, которых было много в начале XIX столетия во времена процветания масонства и всяких братств, преследовавших по своим статутам более или менее возвышенные цели.

Однако общество, собравшееся у Крыжицкого, возвышенных целей не преследовало, а напротив: задачи у него были самого прозаического свойства; то есть материальные блага, или, попросту, обогащение.

Наряду с масонами, розенкрейцерами, магами, перфекционистами¹ в начале девятнадцатого века в Европе суще ствовало и общество «Восстановления прав обездоленных».

Под сенью этого настолько пышного названия действовали люди, отыскивавшие действительно обездоленных наследников с тем, чтобы помочь им в получении следуемых им по закону или по завещанию состояний от родственников, умерших ранее. Это общество поначалу было организовано по образцу мистических тайных союзов с известной иерархией, посвящениями, разделением на степени, совершением обрядов – и в первые годы своего существования оно искренне помогало только действительно обездоленным, само пользуясь скромным процентом.

Однако этот процент быстро увеличился, и члены общества «Восстановления прав обездоленных» стали, главным образом, заботиться о себе и собственных выгодах.

Они уже не отыскивали лишенных наследства или состояния по несправедливости, чтобы восстановить их права, а старались прежде всего найти богатые спорные наследства и сделать так, чтобы львиная часть пришлось на их долю, а якобы облагодетельствованные ими наследники получили крохи.

Приемы, которые они употребляли для этого, не всегда можно было одобрить с точки зрения даже снисходительной морали.

Но были ли это прямые наследники?

Нет, с юридической стороны они были неуязвимы и стояли на почве самого строгого закона, обделывали свои дела так, что к ним нельзя было придраться.

Они пользовались огромными связями и огромными капиталами.

Главари, направлявшие «рабочих» всего общества, находились в Париже, где и зародилось самое общество на почве запутанных юридических отношений, созданных французской революцией, в особенности в области наследственных прав.

Отделения и агенты союза были повсюду, между прочим, и в России.

У Крыжицкого было именно сборище вожakov, действовавших в Петербурге.

Единственным, что осталось от прежней обрядовой стороны, были кокарды и разделение вожakov и стоявших за каждым из них агентов по цветам.

На другой же день после заседания Крыжицкий отправился по порученному ему делу.

Самой графини Савищевой он не знал, но о ее сыне имел понятие и решил, что в данном случае лучше всего действовать через него. Вопрос только состоял в том, ехать ли прямо к Савищеву на дом или постараться встретиться с ним на нейтральной почве, как бы случайно, в театре или в ресторане.

¹ Масоны – «вольные каменщики», иначе франкмасоны, члены религиозно-этического общества, возникшего в 18 веке в Англии. Розенкрейцеры – члены тайного религиозно-мистического общества 17–18 веков в Германии, Голландии; их эмблемой были роза и крест. Перфекционисты – христиане, воображающие себя достигшими безгрешного состояния. Подобные секты существовали в 17 веке в Англии. В наше время – община, не имеющая ни законов, ни имущества, существует в штате Нью-Йорк.

Однако нейтральная почва была очень неопределенна и во всяком случае ее нельзя было использовать сейчас.

Агапит Абрамович решился ехать на дом. Он оделся с изысканностью и, вместе с тем, строгостью, которую всегда соблюдал в своем костюме, и, сев в карету (она у него была собственная), отправился к молодому графу.

Он застал его, как и рассчитывал, только что поднявшимся с постели, за утренним кофе.

Крыжицкий велел сказать о себе, что он приехал по важному делу, и Савищев принял его, немножко удивившись; какое это отыскалось важное дело, которое могло касаться его; он всю свою жизнь привык бездельничать.

Крыжицкий, зная, как разговаривает важное лицо с подобными графу молодыми людьми, вошел и довольно развязно раскланялся, хотя заговорил очень вкрадчиво и почтительно:

– Я вам приехал представиться, граф, по очень важному делу; оно вам может дать огромные средства, кроме тех, которые вы имеете.

Савищев поднял брови и отодвинул от себя лежавшие на подносе нераспечатанные записочки и конверты с пригласительными билетами, которые он каждый день получал по утрам по своему положению видного молодого человека, выезжающего в свет.

Слова Крыжицкого заинтересовали его больше, чем эти записочки.

– Вы говорите, громадные средства? – переспросил он.

– Да, граф. Есть данные и очень серьезные, по которым вашей матушке с уверенностью может достаться оберландовское наследство...

– Да неужели? – воскликнул Савищев с оживившимся лицом.

Об оберландовском наследстве было тогда известно в петербургском обществе и оно даже как бы вошло в поговорку. Когда хотели дать шутовское обещание, то говорили: «Я это сделаю, когда получу оберландовское наследство».

Лет сорок тому назад умер в Пруссии последний барон Оберланд, не оставив по себе прямых наследников. Добросовестные немцы стали разыскивать наследников косвенных и допытались, что потомство баронов Оберландов в Германии прекратилось и что оно может существовать только в России, куда один из баронов с этой фамилией переехал на службу к Петру Великому. Это стало известно в петербургском обществе и вскружило несколько мечтательных голов, которые соблазнились перспективой: а не достанется ли им неожиданное богатство?

Надо отдать справедливость Савищеву, что он никогда ранее не мечтал о возможности своего родства с Оберландами и обычно смеялся над теми, которые пытались отыскать это родство для себя.

Но теперь, когда совершенно незнакомый ему, но, по-видимому, солидный человек, подал ему эту мысль, то он в первую минуту подумал, что вдруг это и на самом деле может быть.

– А есть ли оно на самом деле, это наследство? – спросил он.

– Есть, – уверенно подхватил его слова Крыжицкий, – об этом было сообщение в «Санкт-Петербургских ведомостях»² в 1797 году с правом поиска наследников. – Он достал из портфеля старый номер «Санкт-Петербургских ведомостей» и показал его графу.

Тот прочел объявление и оно показалось ему почему-то очень убедительным.

– Так какие же данные вы имеете относительно меня? – спросил он.

– Относительно вашей матушки! – поправил его Крыжицкий.

– Ну, все равно, относительно моей матушки...

² «Санкт-Петербургские ведомости» – газета основана при Петре I. Называется так с 1728 года.

– Дело в том, что до сих пор в России искали баронов Оберланд по мужской линии, но оказалось, что по этой линии их нет. По женской же ваша матушка, рожденная Дюплон, ведет прямое происхождение от баронов Оберландов и прямо от Карла Оберланда, служившего в России при Петре Первом. У него был сын, женатый на Доротее Менден; от этого брака родилась дочь, вышедшая замуж за Дюплона.

– Вы это знаете наверное? – обрадовался Савищев, все более увлекаясь.

– Надо теперь доказать родственную связь вашей матушки с этим Дюпломом – и тогда наследство ваше.

Савищев задумался и потом, вдруг вскинув голову, произнес:

– Нет, этого не может быть.

– Отчего же?

– Оттого, что это было бы слишком хорошо!

– Вот два слова, – улыбнулся Крыжицкий, – которые не идут вместе! Уж если хорошо, то это не может быть слишком!..

– А скажите, пожалуйста, – вдруг сообразив и сейчас же изменив тон, протянул Савищев, – сколько эта история может стоить?

– То есть хлопоты по наследству?

– Да, хлопоты.

– Ну, это подробность, о которой можно будет сговориться. Уплата по получении наследства, а до тех пор никаких расходов с вашей стороны не потребуется.

Это окончательно убедило Савищева, и его разговор с Крыжицким закончился тем, что он обо всем обещал переговорить с матерью.

Агапиту Абрамовичу только этого и было нужно.

Глава IX

Условились, что Крыжицкий приедет на другой день в два часа, к тому времени, когда старая графиня имела обыкновение выходить из своей уборной.

Агапит Абрамович, разумеется, был аккуратен. Его провели по громадной лестнице во второй этаж дома, который занимала графиня.

Вся ее обстановка была выдержана в стиле XVIII века, видимо, потому, что ее просто никогда не обновляли с тех пор.

Вещи были дорогие и прочные; они состарились, как и их хозяйка, но от этого хуже не стали. Напротив, они как бы внушали к себе уважение, заставляя замедлять шаг и принимать почтительную позу.

Сама графиня оказалась маленькой старушкой, но очень суетливой и подвижной. Она была одета и, в особенности, причесана по старой моде. Ее седые волосы, не нуждавшиеся в пудре, были зачесаны кверху, как у Марии Антуанетты. По старой привычке она еще и румянилась, но делала это с большим искусством и тактом.

Когда Савищев ввел к ней Крыжицкого, она сидела на кушетке и быстро перебирала спицами гарусное вязанье.

– Вы нам приносите, говорят, очень интересные вещи, – встретила она Крыжицкого, не оставляя своего занятия. – Ну, садитесь и рассказывайте.

Крыжицкий сел и слово в слово повторил то, что накануне говорил ее сыну.

Графиня оказалась очень осведомленной в своей родословной до прадедушки включительно, но и Крыжицкий подготовился к разговору с ней и тоже хорошо знал историю Дюплонов.

– Ах, милый, как это интересно! – поворачиваясь из стороны в сторону, говорила быстро Савищева. – Вы знаете и о моем дедушке Модесте? Это очень интересно!.. Не правда ли, Костя, это было очень интересно? – обернулась она к сыну.

Костя, разумеется, был занят не дедушкой, а возможностью получить громадное наследство, но не противоречил матери и согласился с ней.

По расчету лет выходило, что если в самом деле дочь барона Оберланда вышла замуж за Дюплону, то это должен был быть прадед графини, а между тем та уверяла, что ее прадед был женат на княжне Ступиной-Засецкой.

Крыжицкому важно было получить метрику графини, для чего он смело выдумал брак с Дюплом баронессы Оберланд, самое существование которой было сомнительно.

Он не ожидал, что ему придется считаться с такими генеалогическими познаниями графини. Но он разговаривал смело, уверенный, что если графиня была сильна в генеалогии, то ее сведения по арифметике были не такими большими.

В годах она действительно запуталась и только спрашивала, какой же это Дюплон был женат на баронессе Оберланд!

– Вот это-то и надо выяснить, – наконец, решил Крыжицкий, разрубая тем самым этот гордиев узел.

– Да, маман, это-то и надо выяснить! – подтвердил молодой Савищев, испугавшись, что разговор принимает неблагоприятный оборот.

– Ну разумеется, миленький! – согласилась графиня. – Надо это выяснить. Вот я и хочу, чтобы месье...

– Крыжицкий! – подсказал Агапит Абрамович, видя, что графиня затрудняется.

– Месье Крушицкий, – повторила она, сейчас же перепутав фамилию, – мне выяснил...

– Я это и сделаю, графиня! – поклонился Агапит Абрамович. – Но для этого мне придется поработать в архивах.

Слова «поработать» и «в архивах» действовали на графиню. Против таких серьезных вещей она ничего не могла возразить.

– Да, голубчик! – только сказала она. – Я знаю, что дедушка Модест Карлович служил по архивам; это очень интересно!

В общем, Агапит Абрамович ей очень понравился, что, впрочем, не было трудно, потому что ей все нравилось с первого же взгляда и всем она одинаково говорила «милый», «миленький» и «голубчик».

«Голубчик» Агапит Абрамович тоже остался доволен ею, найдя, что обвести вокруг пальца ее будет легко.

На первый взгляд он ограничился только общим разговором с графиней, стараясь только понравиться ей, но, уходя, на лестнице сказал молодому Савищеву, провожавшему его:

– Дело все-таки тяжелое, и я боюсь очень многих препятствий.

– Надо их побороть! – серьезно произнес Савищев, как будто сам он тоже действительно умел бороться с препятствиями. Уж очень ему захотелось получить оберландовское наследство.

– Большинство препятствий, – вздохнул Крыжицкий, – я побороть сумею, но вот боюсь одного!..

– Чего именно?

– Для дела потребуются документы графини и, между прочим, ее метрическое свидетельство.

– Ну, уж это-то действительно пустяки! – возразил Савищев. – У матери все бумаги должны быть в полном порядке.

– Но согласится ли она показать свое метрическое свидетельство?

– Почему бы и нет?

Крыжицкий пригнулся к самому уху графа и шепнул ему:

– Женщины не любят выдавать свои годы, а по метрическому свидетельству это сразу же станет ясно!

Граф Савищев рассмеялся в подтверждение того, что и он, со своей стороны, хорошо знает женскую природу (он всегда так гордился этим), и успокоительно проговорил:

– Ну, в таком случае я достану у нее это свидетельство так, что она и знать об этом не будет!

Крыжицкий мысленно поздравил себя с полным успехом.

Глава X

Поселившись у титулярного советника Беспалова, Саша Николаич стал терпеть многие неудобства, к которым совершенно не привык.

В качестве прислуги за ним ходила рябая девка Марфа, которая решительно ничего не умела делать, так что Саша Николаич даже сам себе должен был чистить платье.

Кормили его тоже из рук вон плохо, часто подогретым и плохо изготовленным кушаньем, хотя Беспалов и продолжал уверять его, что он – гастроном и любит поесть хорошо, но, к сожалению, только у него на это не было достаточных средств.

Кроме слепого Виталия, у Беспалова был еще один сын, огромный сухопарый детина, который имел рыжие растрепанные усы, маленькие слезящиеся глазки и красный нос. Его звали Орестом.

Обычно он пропадал в трактире, где целый день с утра и до вечера играл на бильярде.

Игра в бильярд была для него единственным занятием и он или предавался ему, или лежал на боку в столовой на диване.

От него определенно пахло винным перегаром.

В первые дни пребывания Саши Николаича у Беспалова к столу подавался графинчик водки и Орест усердно прикладывался к нему. Когда же выяснилось, что Саша Николаич вообще водки не любит, графинчик исчез и был заперт на ключ в буфете.

Этот ключ хранился у самого Беспалова, который сам редко кому его доверял, а, воспользовавшись им, выпивал рюмку, иногда две, ставил графинчик обратно и снова буфет запирали. Если при этом присутствовал Орест, то он молча облизывался, с завистливой ненавистью смотря на отца.

Слепой Виталий вечно сидел в своем углу и молчал, не отвечая никому и не принимая участия ни в чем, так что все привыкли считать, что его как будто тут и не было.

Беспалов жил на пенсию, служебных занятий не имел и большую часть времени проводил дома, в своем неизменном засаленном халате и с трубкой. Он или подымал брань с кем-нибудь во дворе, куда выходил не стеснясь своего одеяния, или вышагивал по столовой с высоко поднятыми бровями и с таким выражением, как будто обдумывал, по крайней мере, дипломатическую ноту.

Иногда он останавливался, причмокивал губами и вдруг неожиданно произносил:

– Эх, деточки! Хорошо бы сейчас сосисочек с капустой отведать!

Он щурил глаза и мотал головой в подтверждение того, как хорошо было бы отведать сосисочек с капустой.

– А у меня, – глухим, загробным голосом отзывался Виталий, – и лакеи моих истопников такой мерзости не едят!

Беспалов моментально раздражался и сердито кричал:

– Что же они, Виталий Власович, у вас кушают?

Происходила пауза и затем слышался голос Виталия:

– Фрикасе!³

Дело было в том, что слепой, сидя в углу, целый день мысленно занимался раскладками, какое ему нужно иметь состояние для того, чтобы, например, у его подъезда в качестве простого городского стоял сам обер-полицмейстер. На такую комбинацию обер-полицмейстер соглашался в мечтах Виталия за три миллиона в год и он давал их ему.

Все остальное было в соответствующем духе. Лакеи его лакеев тоже получали миллионы и были не иначе как титулованные.

³ Фрикасе – нарезанное мелкими кусочками жареное или вареное мясо с какой-либо приправой.

Сашу Николаича он уже приспособил к должности чистильщика сапог своего главного камердинера.

Иногда Виталий выражал свои мечты вслух, что всегда приводило в раздражение титулярного советника Беспалова, который и сам мечтал, но его мечты не шли дальше сосисок с капустой или чего-нибудь в этом же роде.

Вся эта компания была совсем не по душе Саше Николаичу, и он оставался у Беспалова единственно ради его красавицы-воспитанницы.

Саша Николаич уже решил, что он, как только познакомится ближе с молодой девушкой, найдет себе помещение более удобное. Пока же он должен был терпеливо ждать, оставаясь у Беспалова, и ловить удобные минуты, чтобы остаться с Маней вдвоем.

Возможность к этому появлялась только вечером, когда Беспалов, ложившийся сравнительно рано, уходил спать, безучастный ко всему Виталий задремывал в углу, а Маня сидела в столовой за шитьем, которое она брала себе для заработка.

Наблюдательный Орест, заметив поведение Саши Николаича, стал неожиданно раньше возвращаться из трактира и залегать в столовой на диване так прочно, словно органически срастался с ним.

По счастью, Саша Николаич понял его игру и догадался спросить у Ореста, отчего он не идет играть на бильярде.

– Моравидисов нет! – пояснил Орест, угрюмо глядя на Сашу Николаича.

– Чего? – не понял тот.

– Моравидис, – пояснил Орест, – испанская монета. Так вот, у меня нет никаких!

– Так я вам дам! – предложил Саша Николаич. – Вам сколько нужно?

– По крайней мере полтинник!

Саша Николаич дал ему полтинник с радостью, а Орест пожалел, что не спросил рубля.

С этих пор каждый вечер Саша Николаич откупался полтинниками и Орест честно исчезал до самой ночи.

Мало-помалу он до того свыкся с этим, что прямо подходил к Саше Николаичу, протягивал руку и говорил:

– Такса!

Саша Николаич доставал полтинник и отдавал ему.

Маня при этом болезненно морщилась, но никогда не говорила ничего, желая показать, что она стоит выше всего этого.

Саша Николаич сочувствовал ей. Она ему казалась не только выше всего, что окружало ее в доме Беспалова, но и выше всех женщин, которых он знал.

До сих пор он водился только с лоретками, как называли тогда женщин легкого поведения, или с дамами и барышнями так называемого приличного общества. Первые были слишком распущенны, вторые слишком недотроги, и все вместе они были пусты и глупы до необычайности.

Маня же была рассудительна, умна, красива, ужасно красива, держалась не хуже любой барышни и с ней не было скучно, потому что можно было говорить обо всем.

Сама она ничего не рассказывала, но внимательно слушала Сашу Николаича, изредка подавая ему реплики и тоже никогда и ни о чем не спрашивая; но, чтобы поговорить с ней, Саша и не нуждался ни в каких вопросах, он находил особенную приятность в том, что проводил время с Маней наедине, желая, чтобы это время длилось как можно дольше, и потому старался заинтересовать ее своими рассказами.

Она узнала от него подробности всей его предыдущей жизни до разговора с таинственным незнакомцем в ресторане включительно.

– Меня удивляет одно, – сказала она Саше Николаичу, – отчего вы не поговорили с ним подробно?

Саша Николаич, видевший до некоторой степени геройство со своей стороны в том, что он отверг предложение незнакомца, был уверен, что Маня одобрит это геройство, и очень удивился, когда она сделала это свое замечание.

– Как?! – возразил он. – Разве, по-вашему, следовало согласиться на его условия?

– Но ведь он ничего определенного не сказал?

– Однако он потребовал от меня, чтобы я его слушался!

Маня улыбнулась одними губами, но ее глаза оставались серьезными.

– Но ведь неизвестно, может быть, он заставил бы вас делать только очень хорошее? Отчего было не попробовать? Ведь вы всегда имели бы возможность отказаться, если бы вам пришлось поступать против совести.

Это было просто и ясно, и Саша Николаич недоумевал, каким образом это не пришло ему в голову самому, и он пожалел, что не только не взял с собою карточки незнакомца, но даже и не прочел ее, чтобы узнать, как того звали.

Глава XI

Напрасные старания Саши Николаича по отысканию места все более и более убеждали его, что от прежних знакомств помощи ему ожидать нечего и что место ему не только нелегко найти, но, по всей видимости, просто даже невозможно.

И волей-неволей сам собой навязывался вопрос: что же будет впоследствии?

Ну хорошо! Пока у него есть кое-какие деньги и он может жить на них, а потом что?

Не поступать же ему в мелкие канцелярские чиновники или, что еще хуже, в магазинные приказчики?

Чем больше он думал об этом, тем правильнее и разумнее казалось ему соображение Мани.

В самом деле, он тогда погорячился и очень может быть, что этот антипатичный на первый взгляд незнакомец на самом деле – прекрасный человек и не потребует от него ничего дурного.

Положим, даром денег не платят, но все-таки отчего же было не поговорить подробнее? А вдруг и в самом деле была возможность вернуть тысячу рублей в месяц, а тогда...

Саша Николаич даже зажмурился при этой мысли и в какой-то туманно-далекой перспективе, в смутных образах представил себе это «тогда».

И он видел себя не одиноким, как прежде; он не отделял себя в своих мечтах от такой красивой молодой девушки, какой была Маня.

Теперь он, выходя из границ отведенного себе бюджета, приносил иногда ради нее закуски к обеду или конфеты, а, имея по-прежнему тысячу рублей в месяц, показал бы Мане, как умеет жить, и поистине сделал бы себе и ей жизнь прекрасною.

Это ничего, что он еще не объяснился с нею и не имел понятия о том, чувствует она к нему склонность или нет. Он даже себе не отдавал отчета, любит ли Маню. Просто в его мечтах фигурировала именно такая девушка, как Маня.

Эти мечты веселили его, и он, лежа днем в постели, когда по дому разгуливал Беспалов, в халате, с трубкой, находил удовольствие в мечтаниях, не соображая, что мечтает и лежит, уподобившись слепому Виталию и Оресту.

Однако дома проводить время в этом мечтанье Саше Николаичу скоро стало невмоготу и он, окончательно отчаявшись найти место, решил действовать.

Он приоделся, причесался и отправился в ресторан.

Там все было по-прежнему и его встретили так же почтительно.

– Давненько не изволили быть! – ласково упрекнул Сашу Николаича знакомый лакей, подавая карточку.

Саша Николаич спросил завтрак.

Очутившись снова в привычной обстановке ресторана, который посещали исключительно люди, способные тратить много денег, очутившись снова в среде этих людей, спокойных, вежливых и учтивых, привыкших приказывать, Саша Николаич почувствовал непреодолимое желание вернуться в эту среду, к которой он привык и в которой чувствовал себя так же хорошо и свободно, как рыба в воде.

И его, как рыбу, снова потянуло в эту воду.

Ему все еще казалось, что его житье у Беспалова не постоянное, а временное, и что скоро должно что-то случиться такое, что вернет ему прежнее.

– Узнай-ка, братец, – приказал он лакею. – Когда я был тут в последний раз, в кабинете, то оставил там визитную карточку одного господина на столе.

– Слушаю-с! – сказал лакей и через некоторое время, раскачиваясь на ходу, принес на подносе визитную карточку, сохраненную опытной и хорошо выдрессированной прислугой ресторана.

На карточке стояло: «Агапит Абрамович Крыжицкий», и был обозначен точный адрес.

Саша Николаич остался доволен, точно выиграл в карты крупную ставку, и должен был лишний раз констатировать, что между его теперешней рябой девкой Марфой и ресторанной прислугой огромная разница.

Карточку он тщательно спрятал в бумажник, спросил себе полбутылки вина и в самом отличном расположении духа закончил свой завтрак.

То обстоятельство, что карточка нашлась, он счел за хорошее предзнаменование.

Лакей принес ему французскую газету. Саша Николаич просмотрел ее, и газета, которой он уже давно не читал, очень ему понравилась. Там на очень милом и остроумном французском языке очень мило и остроумно были изложены даже истории самых зверских убийств.

Ощущая давно уже не испытанное довольство, бодрость, легкость и какую-то особенную мягкую упругость во всех суставах, Саша Николаич вышел на крыльцо и остановился по усвоенной привычке, чтобы подождать, пока подъедет его экипаж.

До сих пор он иначе, как в своем экипаже, не отъезжал от этого крыльца, однако теперь надо было крикнуть извозчика.

Саша Николаич повернул голову, чтобы сделать это, и вдруг увидел, что с другого крыльца, которое вело в отдельные кабинеты ресторана, сходил граф Савищев, а за ним шла Маня или девушка, как две капли воды походившая на нее.

Саша Николаич, не поверил своим глазам, невольно кинулся вперед, но он видел их только один миг. Они быстро сели в карету, дверца захлопнулась и карета укатила...

Саша Николаич вскочил на извозничьи дрожки и отправился не к Агапиту Абрамовичу Крыжицкому, как хотел сначала, а прямо домой.

Глава XII

Саша Николаич кинулся домой, потому что знал, что Маня сегодня ушла: ей нужно было отнести готовую работу.

Обыкновенно она уходила в сопровождении слепого брата, который и сегодня ушел с ней, и вдруг Саша Николаич увидел ее выходящей из ресторана с графом Савищевым, человеком, которого он презирал теперь больше, чем всех остальных.

Конечно, он ошибся, конечно, это была не Маня, но все-таки ему хотелось убедиться в этом так, чтобы не было сомнения.

Как нарочно, извозчик ему попался отвратительный и ехал очень медленно.

Когда Саша Николаич добрался, наконец, до дома, он застал там Маню, сидевшую, как и прежде, будто ни в чем не бывало, на своем месте за шитьем, а слепого в углу.

Орест был в трактире, а титулярный советник Беспалов буянил во дворе с водовозом, заметив какую-то «неисправность по части водоснабжения».

Саша кинул плащ в передней и как угорелый влетел в столовую.

– Когда вы вернулись? – запыхавшись, стал он спрашивать Маню. – Скажите мне, когда вы вернулись?

Она подняла свои большие строгие черные глаза и посмотрела на него в упор.

– Я вас спрашиваю, – повторил Саша Николаич, – когда вы вернулись?

– То есть как, когда я вернулась? – спокойно протянула девушка.

– Сегодня... сейчас... Вы давно или только что? – спросил Николаев.

– Да что это с вами? – усмехнулась Маня. – Во-первых, кто вам дал право спрашивать у меня отчет?

– Ах, да не отчета я спрашиваю! – раздраженно крикнул Саша Николаич. – Мне надо выяснить одно обстоятельство...

– Относительно меня? – как бы удивилась Маня.

– Да, относительно вас!..

Маня отвернулась к окну и, прищурившись, стала смотреть на него. На ее губах задрожала и насмешливая и, вместе с тем, презрительная улыбка.

– Мария Власьевна! – снова подступил к ней Саша Николаич. – Ради Бога, скажите мне правду! Понимаете? Может быть... от этого жизнь моя зависит...

В эту минуту ему казалось, что он искренне думает, что действительно его жизнь зависит от этого.

– Да вы с ума сошли! – проговорила Маня, слегка поведя плечом, что вышло у нее очень мило. – Оставьте меня в покое!..

– И это ваше последнее слово?!

– Что за вздор!.. Почему последнее? Отправляйтесь лучше в свою комнату и постарайтесь прийти в себя!

«Ах так! – злобно подумал Саша Николаич. – Со мной так разговаривают! Ну хорошо же, я покажу, каков я!»

Он повернулся, накинул на себя плащ в передней и выскочил на улицу.

Он был обижен и оскорблен. Правда, уже при одном спокойном и серьезном виде Мани он уверил себя, что ему померещилось, так мало общего было у нее с рестораном и с Савищевым. Но он был оскорблен и обижен ее суровым тоном; ведь он из участия (теперь он был в этом убежден) хотел расспросить ее и полагал, что имеет на это право в силу долгих дружеских бесед по вечерам, и вдруг она обошлась с ним, как с совершенно чужим.

«Теперь все кончено!» – повторял он.

Что, собственно, было кончено, он не знал, но эти слова вполне передавали его настроение.

Да, все кончено; им пренебрегли, и он должен заставить сожалеть об этом. Он сделает все возможное, чтобы вернуть прежнюю жизнь свою и тогда... «посмотрим, что будет!»...

Саша Николаич решительным шагом направился к Крыжицкому.

Отойдя довольно далеко от дома, он сообразил, что если уж спешить, то лучше взять извозчика.

На этот раз ему попался лихач, быстро помчавший его, и быстрая езда произвела на него успокоительное действие.

* * *

Он застал Крыжицкого дома и тот немедленно принял его.

– Здравствуйте, молодой человек! – заговорил Агапит Абрамович. – Не ожидал я вас так скоро увидеть!

– Почему же не ожидали? – удивился Саша Николаич.

– Так... Я был уверен, что вы пожелаете ко мне, но только попозже.

– И это странно опять!.. Откуда у вас взялась такая уверенность?

– Да ведь жизнь у титулярного советника Беспалова не особенно красна! – сказал, подмигнув, Крыжицкий.

– Откуда вы знаете, где я живу? – снова и еще более, чем прежде, удивился Саша Николаич.

– Я вами интересовался, вот и все! – пояснил Крыжицкий. – Согласитесь, что у Беспалова и грязньенко, и все против приличий идет, и нет ничего, к чему вы привыкли?! Невольно потянет на старое!

– Нет, меня не тянет на старое! – попробовал немного сфальшивить Саша Николаич. – Я просто поразмыслил о тогдашнем нашем разговоре и желал бы теперь поговорить обстоятельно!.. Тогда я слишком погорячился и даже не расспросил вас толком ни о чем...

– Да, тогда вы погорячились, – согласился Агапит Абрамович, – и, по правде говоря, испортили мне все дело!.. Тот разговор, который тогда был у нас, возобновлять уже поздно!

– То есть как это поздно? – упавшим голосом произнес Саша Николаич, ощущая, будто он валится откуда-то с неба.

– К сожалению, да! – подтвердил Крыжицкий.

– Но почему... почему поздно?

– Потому что, видите ли, тогда вы могли со средствами, которые я вам предлагал, продолжать вашу прежнюю жизнь, не меняя ее, и остаться в обществе, в котором вращались до тех пор. Только при этом условии вы могли быть мне полезны. Ну а теперь вы сами сожгли за собой корабли, ваша репутация пострадала и вы мне не годитесь...

– Но позвольте, в чем же пострадала моя репутация? – остановил его Саша Николаич.

– О-о! Я не говорю, что так и есть на самом деле! – сейчас же подхватил Крыжицкий. – Вы упали в глазах людей, которые недостойны за это никакого уважения; но все-таки упали и вам трудно вернуться к ним, уже потому, вероятно, что вы сами не захотите этого.

Вернуться к этим людям Саша Николаич не желал, правда. Но вернуть прежнюю жизнь ему хотелось.

– Так неужели все потеряно? – произнес он, окончательно омрачившись. – Но я думаю, что все-таки с деньгами можно попытаться снова войти в общество?

– Для того, чтобы теперь вам, – заключил Крыжицкий, – войти в него и стать для них прежним человеком, нужны сотни тысяч, если не миллионы.

– Значит, тогда все потеряно! – повторил Саша Николаич.

Глава XIII

– Потеряно, но не все!.. – вдруг заявил Агапит Абрамович, – У вас есть возможность получить эти сотни тысяч, если вы, впрочем, захотите?

– Да, да, я хочу этого! – поспешно подтвердил Саша Николаич, обрадованный тем, что перед ним снова мелькнула исчезнувшая было надежда.

Агапит Абрамович видел, что делалось с молодым человеком, как тот волновался, и был недоволен этим.

– И вы были бы готовы, – прищурившись, спросил он, – теперь ради этого сделать все, что я потребую?

– Нет, не все! – сейчас же возразил Саша Николаич. – Я сделаю только то, что будет не против моей совести.

– Все-таки!.. Ну, хорошо. Я очень рад, что вы стойки в своих убеждениях.

– Я думаю, что иначе вы бы и не вступили со мной в дело?

– Конечно, конечно!.. Но только вот то условие, которое я вам поставлю, не будет противоречить вашей совести. Вы просто напишете мне небольшую расписку и этого будет достаточно. Но расписка должна быть не на сумму...

– А на что же?

– На половину того наследства, которое вам принадлежит и получить которое вы должны.

– Я должен получить наследство?!

– Это уж не ваша печаль!.. И никаких хлопот вам не будет, все будет сделано без вас.

– Но я все же желал бы знать...

– Я вам ничего не могу сказать, кроме того, что говорю! – веско ответил ему Крыжицкий. – Если я вам выдам все подробности дела, то вы перестанете нуждаться во мне, а я этого не хочу. Будьте терпеливы, молодой человек, и ждите.

– А долго ли придется ждать?

– Не знаю: год, а может быть, и меньше. Но, во всяком случае, рассчитывайте в будущем на хорошее состояние, потому что и половина вашего наследства составит довольно крупный куш.

– Но... позвольте!.. Тогда вы должны знать, кто мой отец и моя мать, и хоть это-то скажите мне!

– Все вы узнаете в свое время! Повторяю, вам необходимо терпение!.. Я вполне понимаю, что вам, до некоторой степени, трудно вооружиться им, но это необходимо.

– И больше вы мне ничего не скажете?

– Ничего.

Крыжицкий достал лист бумаги, обмакнул перо в чернила и подал Саше Николаичу.

– Пишите! – сказал он.

Саша Николаич взял перо и написал под диктовку Агапита Абрамовича следующее:

«Сим обязуюсь предоставить в полное пользование половину наследства, принадлежащего мне, Андрею Львовичу Сулиме».

– Кто это – Андрей Львович Сулима? – спросил Саша Николаич.

– Опять расспросы! – пожав плечами, возразил Крыжицкий. – Не все ли вам равно?.. Ведь половина наследства останется при вас, а кому пойдет вторая половина – вам до этого не может быть и дела!.. Ну, подписывайте!

Саша Николаич подписался.

– Вот так! Теперь все в порядке! – одобрил Агапит Абрамович. – Теперь поезжайте домой и ждите... В случае, если будет нужно, я дам вам знать. А если переедете на другую квартиру от Беспалова, то дайте мне знать.

– Я все-таки к вам наведаюсь когда-нибудь! – предложил Саша Николаич.

– Этого делать не нужно! – сказал Крыжицкий. – Я вам дам знать! Ну-с, а теперь до приятного свидания.

Крыжицкий, как только получил расписку, круто изменил тон и выпроводил молодого человека довольно бесцеремонно.

Саша Николаич был как будто доволен своим посещением Крыжицкого, а вместе с тем, чувствовал себя не совсем хорошо, как будто тут было что-то не так.

Однако это чувство у него скоро исчезло, и когда он вернулся домой, то уже не думал ни о чем другом, как о будущем наследстве, и рассчитывал, хватит ли у него денег, чтобы прожить на них целый год.

На год у него денег должно было хватить с лихвой, если, конечно, не позволять себе никаких излишеств, а самое большее через год он снова будет богат и тогда те, кто пренебрег им, пожалеют о том, что так обошлись с ним.

В числе этих пренебрегающих на первом месте стояла Маня.

За обедом Саша Николаич был серьезен и разговаривал только с Беспаловым, отвечая сквозь зубы на его вопросы. Маню он игнорировал.

Ему хотелось, чтобы Маня это заметила и почувствовала, и хоть чем-то дала знать, что интересуется причиной, по которой он сидит у себя.

Но интерес выказал только Орест, который, напрасно прождав выхода Саши, несколько раз показывался в передней возле его двери, сначала так, будто по своему делу, а потом заглянул в комнату к Саше Николаичу и, сделав жалкую гримасу, кисло осведомился:

– А как насчет таксы сегодня?

Саша Николаич сердито посмотрел на него, и, прежде чем он успел ответить, Орест исчез, поняв, что он сунулся не вовремя.

Орест уже успел привыкнуть к ежедневным получениям полтинника и сегодня почувствовал тоску его лишения.

Он находил это несправедливым, потому что, в сущности, ничем не провинился и желал восстановить справедливость, если не целым полтинником, то хотя бы частью его.

И за этой частью он отправился к Мане.

– Принчипесса! – подступил он к ней. – Не будете ли вы благосклонны выслушать мою нижайшую просьбу?

Маня продолжала шить, не обращая на него внимания.

– Не желаете разговаривать?.. Полагаете меня подонками общества?.. Но, принчипесса, в Писании сказано: «Блажен, кто и скоты милует».

Маня не удержалась и фыркнула.

– Что тебе надо? – спросила она.

– Двугривенный или хотя бы четвертак.

– Отстань, у меня нет!

– Принчипесса! Ложь не совместима с вашим достоинством, «Ищите и найдете!» Впрочем, я согласен и на гривенник!

Маня не тронулась с места.

– Принчипесса, вы поймите мои содрогания: я сегодня чувствую удар в руке, то есть такой удар, что желтого в среднюю без промаха – и вдруг из-за какого-то гривенника... должен пропасть на сегодня мой талант!

Кончилось тем, что Маня дала Оресту гривенник, и он отправился в трактир.

Всю эту сцену Саша Николаич слышал из своей комнаты, но и по уходе Ореста не появился в столовой.

Глава XIV

На другой день Саша Николаич продолжал дуться до самого обеда, но тут ему стало скучно.

За обедом случилось так, что Маня передала ему огурцы, а он взглянул на нее и поблагодарил.

Этого было достаточно, чтобы лед растаял и Саша Николаич, чувствовавший себя ободренным надеждой на возможное получение наследства, снова оказался в хорошем настроении.

За столом тотчас же завязался оживленный разговор, в котором даже Виталий принял участие, вставив к слову совершенно серьезное замечание, что уж у его подъезда должен стоять не обер-полицмейстер, а сам главнокомандующий.

Маня обходилась с Сашей Николаичем совершенно непринужденно и просто, как будто решительно ничего не случилось.

Саша Николаич, испытывая немного ощущение школьника, прощенного после наказания, особенно развеселился и засел в столовой, в ожидании той счастливой минуты, когда господин Беспалов пойдет спать и можно будет сплавить Ореста.

По счастливой случайности Беспалов заявил, что сегодня пойдет в баню, и действительно, ушел, взяв с собой узелок с бельем и веник под мышку.

Орест, едва лишь поле очистилось от «родительских элементов», как он называл это, подошел к Саше Николаичу и, не говоря ни слова, по своему обыкновению протянул руку за «таксой».

Саша Николаич поспешно вынул и дал ему полтинник.

Орест, поджав губы и подняв указательный палец, помотал перед своим носом:

– Ни-ни-ни! Нынче полтинник никак не ходит! – произнес он.

– Как это не ходит? – усмехнулся Саша Николаич. – Разве курс поднялся?

Орест протянул руку и заявил:

– А за вчерашнее?

Новый полтинник был ему немедленно вручен.

– Теперь гривенник за бесчестие! – снова пристал Орест.

Наконец, получив и этот гривенник, он взял по монете в руку и, вздохнув, произнес, словно философ, сокрушающийся о тщете всего земного:

– Давление капитала!..

Ввиду необычайности размеров своего «капитала», он вышел не через дверь, как это делал обыкновенно, а открыл окно и ловко вылез через него на улицу.

Виталий был не в счет, и Саша Николаич остался наедине с Маней.

– Вы знаете, – заговорил он с ней, – я вчера был у этого господина и получил приятные вести: я – богатый наследник!

О своем наследстве он не хотел никому говорить до выяснения вполне определенных по этому поводу данных, но не утерпел и все сразу рассказал.

– Так еще ждать, по крайней мере, год! – несколько разочарованно проговорила Маня.

– Год – это пустяки!.. – стал возражать Саша Николаич. – Что такое год, когда впереди, можно сказать, полное благополучие! Ну, проживем как-нибудь, зато потом!..

И, ища глазами взгляд Мани, он заглянул ей в лицо.

Это лицо показалось ему особенно красивым, добрым и милым в эту минуту.

– А вот теперь какая вы хорошая! А вчера были злая! – сказал он.

Маня, как бы устав от работы, положила шитье на стол и, обернувшись к нему, спросила:

– Отчего же злая?

– Да как же! Накричали на меня!

Губы улыбались, брови сдвинулись.

– Ну, ну, не буду! – спохватился Саша Николаич и, как-то волей-неволей пригнулся еще ниже, к самой руке Мани, которую та словно забыла на столе, и поцеловал эту руку.

Маня не отдернула ее, и Саша Николаич поцеловал еще раз, смелее.

Но в это время в окно раздался стук. И Маня и Саша Николаич вздрогнули и отстранились друг от друга.

Саша Николаич быстро подошел к окну и отворил его. На улице стоял человек в ливрее.

– От графини Савищевой! – сказал он.

Саша Николаевич вздрогнул и спросил:

– От графини Савищевой? К кому?

– К барышне, что платья шьют.

– Пустите, это ко мне! – отстранила Маня Сашу Николаича от окна.

А на него сразу как туча надвинулись вчерашние сомнения, когда он увидел теперь, что Маня имеет сношения с домом Савищевых.

– Хорошо!.. Скажите графине, что завтра будет готово!.. – проговорила Маня и, отпустив лакея, невозмутимая и спокойная, вернулась к своему месту и села.

– Вы знаете графиню? – с трудом переводя дух спросил Саша Николаич.

– Да, я работаю для нее.

– А сына ее... сына... вы знаете?

– Знаю.

– Нет, это невыносимо! – воскликнул Саша Николаич. – Я так не могу!.. Вы знаете, вчера мне показалось, что я видел, как вы выходили с ним из ресторана.

– Я?!..

– Да, да! Вы!

– Какой вздор! – воскликнула Маня, взяла работу и стала шить.

«Да, это вздор, нелепость! – замелькало у Саши Николаича. – Я с ума сошел! Этого же не может быть!»...

В виски у него застучало, грудь стала тяжело и нервно подниматься, голова закружилась и он, сам не понимая, что делает, приблизился к Мане, опустил на колено, схватил ее руку и залепетал:

– Простите!..

Своей руки у него Маня опять не отдернула...

Глава XV

Опять собрались у Агапита Абрамовича члены общества «Восстановления прав обездоленных» ровно через месяц. Опять они заседали со своими разноцветными кокардами под председательством седовласого старца.

Крыжицкий дал отчет о том, что Николаев написал расписку, и передал ее председателю.

– А относительно графини Савищевой, – продолжал Агапит Абрамович, – тоже все обстоит вполне благополучно. Ее метрическое свидетельство у меня, и на нем, действительно, сделана подчистка и изменен год рождения.

Он достал из железного сундучка документы графини и тоже передал их председателю.

– Вот это – чистая работа! – одобрил тот.

– Теперь только остается оборудовать расторжение брака графини! – сказал Крыжицкий.

– Легко сказать: «Остается только!» – заметил Голубой. – Но, кажется, сделать это будет довольно трудно; по крайней мере, я наводил справки. Неправильности в метрическом свидетельстве, хотя и дают некоторое основание, но положительного ничего не предвещают.

– Я все-таки думаю, – заговорил Синий, – что достаточно иметь хоть какую-нибудь зацепку, а там уж мы сможем сделать!

– Конечно, прицепиться к метрическому свидетельству можно! – согласился Голубой. – Оно все-таки неправильное!

– Ну а в каком положении розыски племянницы графа Савищева, к которой должно перейти состояние графини, если она его лишится? – спросил председатель.

Крыжицкий покачал головой.

– Я был занят метрическим свидетельством! – ответил он.

– А ты, Голубой? – продолжал председатель.

Голубой ответил, что у него не нашлось никаких данных.

То же самое заявили и остальные.

Фиолетового председатель вызвал последним, но и тот покачал головой и сказал:

– Я не нашел.

Председатель обвел присутствующих укоризненным взглядом, в котором чувствовалось все его превосходство над ними.

– Неужели так-таки ничего и не узнали? – проговорил он. – А между тем стоило только приложить некоторое усилие, чтобы добиться благоприятного результата.

– И ты его добился? – воскликнул Фиолетовый, до сих пор мало принимавший участия в разговоре.

– Надо было вести от начала, – продолжал председатель. – Брат покойного графа Савищева женился еще молодым человеком и благодаря этой своей женитьбе запутался в делах. Бок о бок с ним его старший брат, женатый на Дюплон, богател не по дням, а по часам, умея ловко устраиваться по казенным поставкам и подрядам. Запутавшийся в делах граф Савищев видел, что его брат не стесняется в средствах и доставляет своей жене все для удовлетворения ее прихотей, и, понятно, ему тоже захотелось иметь все и так же обставить свою жену. Он делал долги, но вскоре ему перестали верить; он пробовал счастья в картах и стал проигрывать. Наконец, он зарвался и очутился в безвыходном положении. Тут он решился на средство, отчаянное по своему риску, соблазненный возможностью вдруг получить большие деньги. Эти деньги ему предложили из-за границы, с тем, чтобы он выдал план потемкинского похода в Турцию. Он поддался соблазну, но его проделка была вовремя открыта и, хотя ему самому удалось бежать, он был обвинен в государственной измене и заочно лишен чинов

и орденов. Его жена, беременная, разрешилась преждевременно от потрясений и умерла в родах. От родившейся у нее дочери единственный ее родственник, дядя ее, граф Савищев, отказался как от дочери брата-изменника, которого он не хотел знать. Со стороны матери у девочки никого не было: ее матушка была молоденькой француженкой, приехавшей в Россию гувернанткой и прельстившей графа Савищева. Девочку отдали в воспитательный дом и оттуда она была взята...

– Весь вопрос кем? – спросил Фиолетовый.

Председатель замолчал и не сразу ответил.

– Да, весь вопрос – кем? – повторил он. – Есть тут отставной титулярный советник Беспалов, а у него живет девушка, которая уверена, что она – его дочь, но сам Беспалов часто знакомит с ней чужих как со своей воспитанницей. Зовут ее Маней, а дочь разжалованного графа Савищева получила при крещении имя Мария.

– Так это она? – спросил Фиолетовый.

Председатель кивнул головой.

Фиолетовый встал со своего места и заходил по комнате.

– Да разве есть доказательства, – заговорил он, – что это законная дочь графа-изменника? С какой стати титулярный советник Беспалов взял ее? Не может быть!.. Тут нужны доказательства!

– Эх, какой ты горячий! – остановил его председатель. – Сегодня с тобой что-то необыкновенное? Обычно ты спокойно относишься к делам.

– Да, это дело меня заинтересовало и я желаю взяться за него! Если у тебя есть какая-нибудь нить, дай мне ее и я разужу все самым подробным образом.

– Вот этого-то и не нужно! – усмехнулся председатель. – Иногда лишние подробности, расследованные со слишком большим пылом и любопытством, только затемняют дело, а не помогают ему. Нам вовсе не нужно собирать подробные данные об этой воспитаннице Беспалова, потому что эти подробные данные достоверно приведут к полной противоположности того, что мы желаем получить. Нам не важно, дочь или не дочь разжалованного графа Савищева эта девушка; а нам надо сделать так, чтобы она была его дочерью, и этого будет вполне достаточно.

Фиолетовый сел на место.

– Но если можно найти настоящую дочь? – попробовал возразить он.

– Это лишняя проволочка времени! – сказал председатель.

– Но все-таки, почему ты указываешь именно на нее? Ведь есть же у тебя на это какие-нибудь причины?

– Особенно никаких! – пожав плечами, ответил председатель. – Просто я нахожу ее подходящей! Ее имя и года нам подходят!

– Но каким путем ты напал на нее?

– Очень просто: я следил за Николаевым и нашел воспитанницу Беспалова благодаря тому, что Николаев поселился у него. Вот и все!

Глава XVI

Когда было переговорено обо всех делах, причем председатель не ограничивался общими указаниями, а каждому из членов дал для выполнения к следующему заседанию определенную задачу, он удалился, а остальных Крыжицкий пригласил ужинать.

Агапит Абрамович, провожая председателя, в передней проговорил:

– А вы все-таки сами следили за Николаевым!

– Ну, и что тут такого?

– Но ведь он поручен мне!

– Вы делайте свое дело, а я буду делать свое!

И председатель ушел.

За ужином подавали отлично приготовленные кушанья и тонкие вина, которые могли сделать честь столу самого прихотливого сибарита.

Если обстановка квартиры Крыжицкого была самой обыкновенной, то угощение, предложенное им, выходило за пределы обыкновенного. Видно было, что он получал и мог тратить большие деньги, и если у него в квартире не было роскоши, то только потому, что он этого не желал.

Гости разошлись непоздно и, проводив их, Агапит Абрамович вернулся в кабинет, запер за собой дверь, подошел к вделанному в стену шкафу и отворил его хитрым ключом. Шкаф повернулся на шарнирах и открыл проход, в который и вошел Крыжицкий.

Войдя, он очутился в комнате, узкой и длинной, вся меблировка которой состояла из большого стола, придвинутого к нему кресла и полки по стенам. На полках и на столе лежали книги, стояли реторты, спиртовые лампочки, колбы и склянки с жидкостями разных цветов. Тут была целая лаборатория.

Агапит Абрамович поставил на стол лампу, которую взял из кабинета и держал в руке. Но вместо того, чтобы сесть в кресло, он пошел в глубину комнаты, где оказалась еще дверь, обитая толстым слоем войлока, и отпер ее.

За нею была еще комната, которая по своему убранству одна могла восполнить отсутствие роскоши в остальных, показных, так сказать, комнатах квартиры Крыжицкого.

Пол тут был затянут настоящим смирнским ковром, стены покрыты шелковой материей с причудливыми восточными вышивками золотом. Широкий диван, покрытый турецкой шалью, был завален подушками, огромная китайская ваза стояла в углу с букетом живых цветов. Высокий золоченый бронзовый светильник разливал мягкий свет, золотая восточная курильница стояла на полу.

У самой двери, в которую вошел Крыжицкий, висел маленький серебряный гонг, и он осторожно ударил в него. Дребезжащий металлический звук гонга мягко раздался и замер, заглушенный мягкими складками материи, висевшей повсюду вокруг.

В ответ на этот звук сейчас же поднялась тяжелая занавеска и из-за нее показалась, судя по одежде и по типу, чистокровная турчанка.

На ней был палевый шелковый казакин, шальвары и шитые золотом туфли. Ее черные волосы были заплетены в длинные косы, уложенные на голове и переплетенные жемчугом.

Женщина подошла к Крыжицкому и опустила перед ним на одно колено. Он потрепал ее по щеке и проговорил по-турецки:

– Хорошо ли ты провела сегодня день, моя звездочка?

«Звездочка» вскочила и певучим голосом ответила, что очень хорошо и что она всем очень довольна.

Сказав это, она быстро, заученной скороговоркой произнесла еще несколько слов, так, словно иные и произнести не смела. Затем, тоже заученным движением, она вскочила на диван, взяла со столика зурну и, перебрав струны, тихо запела заунывный тягучий мотив... Крыжицкий сел на диван рядом с ней, закрыл глаза и стал слушать...

Глава XVII

Седовласый человек, председательствовавший на собрании у Крыжицкого, вышел от него, сел в карету, которая, при его появлении, сейчас же подкатила к крыльцу.

– Домой прикажете? – спросил кучер, удерживая лошадей и оборачиваясь.

– Нет, поезжай на Шестилавочную, к Анизимову.

Карета запрыгала по ухабам мостовой и вскоре остановилась у очень невзрачного домика на Шестилавочной.

Было немного странно, что такой богатый экипаж с отличными лошадьми остановился у такого невзрачного домика, но на самом деле к этому домику нередко подъезжали такие же кареты.

Живший тут Анизимов был незначительным чиновным лицом, но способным, тем не менее, сделать многое. Он служил простым писцом в консистории⁴ и это место позволяло ему принимать участие в делах, по которым не один богатый экипаж подъезжал к домику, в котором он жил.

Председатель собраний у Крыжицкого вышел из кареты, приблизился к окну, в котором брезжил свет, и постучал.

Ответа не последовало.

Приехавший постучал еще раз.

Занавеска на окне отдернулась, рама чуть приподнялась и сердитый женский голосок проговорил:

– Что нужно на ночь глядя?

– Скажите Анизимову... – начал было председатель, но голос перебил его:

– Приходите завтра... теперь не время, поздно...

– Скажите Анизимову, что Андрей Львович Сулима желает его видеть... – настойчиво повторил приезжий.

Не прошло и двух минут, как наружная дверь домика отворилась и сам Анизимов высунулся на улицу.

– Пожалуйте, Андрей Львович! – заторопился он. Сделайте одолжение!

Андрей Львович вошел и, не сняв плаща, проследовал в приемную комнату Анизимова.

У последнего чистота и аккуратность во всем были блестящие, но пахло смешанным запахом кофейной гущи, деревянного масла и курительных ароматических бумажек.

Анизимов, чистенький и гладенький старичок, потирал пухленькие белые ручки и остался стоять, когда Андрей Львович сел.

– Садись! – предложил тот. – Впрочем, разговор у меня вовсе не длинный.

– Как прикажете, Андрей Львович! – вздохнул Анизимов и сел.

– Вот что я прикажу!.. Скажи ты, пожалуйста, существуют ли метрические книги 1752–1756 годов?

Анизимов опять вздохнул.

– Какой церкви, Андрей Львович?

Андрей Львович достал метрическое свидетельство графини Савищевой, посмотрел и сказал, какой церкви.

– Должно быть, целы! – сказал Анизимов и снял щипцами нагар со свечи.

⁴ Консистория – в дореволюционной России учреждение при епархиальном архиерее.

– Ну так вот, – продолжал Андрей Львович, – в 1752 году родилась Анна Петровна Дюплон, впоследствии вышедшая замуж за графа Савищева. Надо ее подлинную метрическую запись найти и уничтожить.

– Дело хитрое-с!

– Ты не ломайся, ничего хитрого тут нет!.. Положил в книгу огарок... и все тут! Штука известная!..

Эта штука, действительно, была известна многим мелким чиновникам доброго старого времени. Зажатый между листами документов, которые требовалось почему-либо уничтожить, огарок привлекал внимание крыс и мышей, которые дочиства выедали просаленную бумагу, и уничтоженные таким образом документы считались утраченными по роковой случайности, а ответственность за мышей возложить было не на кого.

– А метрическую книгу 1756 года надо сохранить как зеницу ока! – пояснил Андрей Львович.

Анизимов, внимательно и почтительно слушавший Андрея Львовича, несколько раз кивнул головою в знак того, что он понимает, в чем тут дело. Сулима продолжал:

– Так вот я и говорю: метрическую книгу 1756 года надо сохранить и, когда это понадобится, принести ее в доказательство, что никогда некая Анна Петровна Дюплон крещена и записана в метрику не была. Действовать нужно как можно скорее.

С этими словами Андрей Львович встал и направился к двери.

– Только-с это будет стоить... – начал было Анизимов, семеня за своим гостем.

Но тот не дал ему договорить, обернулся и уверенно произнес:

– Сосчитаемся!

Анизимов поклонился, вполне удовлетворенный этим ответом, как человек, не раз уже, по-видимому, имевший дело с Андреем Львовичем.

Глава XVIII

Через три дня, рано утром, Андрей Львович Сулима приехал к Крыжицкому.

Агапит Абрамович, обыкновенно уже поднимавшийся к этому времени с постели, встретил его в своем кабинете, где сидел за письменным столом, разбирая бумаги.

– В консистории относительно метрических книг все уже сделано! – сказал Андрей Львович, доставая метрическое свидетельство графини Савищевой. – К сожалению, подчистка здесь сделана и год изменен довольно грубо. Это может создать препятствие и надо их уничтожить заранее.

– То есть уничтожить самое свидетельство?

– Ну конечно!.. Чтобы по нему потом как-нибудь нельзя было раскрыть всю махинацию.

– Но ведь на основании этого свидетельства только и можно расторгнуть брак, и если его уничтожить...

– А я говорю, что надо уничтожить! – перебил его Андрей Львович. – Вот эту бумагу с подчисткой, а самое свидетельство сохранить!

Крыжицкий, при всей своей опытности в подобного рода делах, на этот раз не понял.

– Как же это так? – спросил он.

– Ах, да очень просто! Надо снять нотариальную копию с этого вот свидетельства, а подлинник уничтожить. Таким образом, у нас в руках останется совершенно чистый, неподчищенный неправильный документ, который сослужит нам вполне безопасную службу. То есть можно будет доказать, что все свидетельство поддельное, а не один только год заменен в нем.

Агапит Абрамович в душе не мог не удивиться такой мудрой предусмотрительности и предвидению всяких случайностей, выказанных председателем собраний.

– Слушаю-с! – сказал он. – Но дело в том, что я получил это свидетельство через молодого Савищева и просто ему сказать, что я потерял его, неудобно!

Андрей Львович поморщился и произнес:

– Само собой разумеется, это нужно сделать тоньше!.. Как молодой Савищев добыл бумаги у матери?

– Метрическое свидетельство он взял потихоньку. По своей наивности и доверчивости, она и деньги и документы не держит под замком.

– Даже метрическое свидетельство?

– Свидетельство она прячет не в бюро в своем кабинете, а в ящике своего туалета, в спальне, думая, что там его никто не найдет. Это – единственная предосторожность.

– И оттуда молодой Савищев взял документ так, что она не знала?

– Я боялся, что старуха не захочет выдавать свой возраст, и поэтому действовал через ее сына.

– Хорошо! Так пусть по снятии нотариальной копии он опять потихоньку положит его на прежнее место, а о дальнейшем я позабочусь.

– И свидетельство будет уничтожено?

– Да. Здесь мне помощь не нужна. На всякий же случай нужно Савищеву постепенно подготавливать к тому, что ее ожидает, и направить ее на ложный след. Она, наверное, пустит в ход все свои знакомства.

– Ну, уж этому-то учить меня не надо, – несколько обиженно произнес Агапит Абрамович, уязвленный все-таки в своем самолюбии превосходством над ним Андрея Львовича.

Сулима довез Крыжицкого в своей карете до дома, где жила графиня, и Агапит Абрамович прошел к молодому графу без доклада, на правах человека, который уже успел стать своим в доме Савицевых.

– Я боюсь, – начал он говорить графу, – как бы ваша матушка не хватилась своего свидетельства; лучше положите его обратно, на старое место.

Молодой Савицев, получивший по совету Крыжицкого от матери полную доверенность на ведение дела по оберландовскому наследству, вообразил себя дельцом, ничего не упускающим из вида и очень опытным.

– Но ведь свидетельство может нам понадобится в будущем? – серьезно заметил он, с таким выражением, словно предвидел все это будущее во всех подробностях.

– Да?.. Это правда! – согласился Агапит Абрамович. – И на всякий случай велите снять с него нотариальную копию, которая нам может вполне заменить его.

– Да, как идея, это недурно! – согласился Савицев. – И я воспользуюсь ею.

– Так сделаем это сейчас! – предложил Крыжицкий.

– Отлично! Сделаем! А потом поедем завтракать.

Они отправились к нотариусу, сняли копию, а затем поехали завтракать.

Глава XIX

За завтраком Агапит Абрамович вскользь упомянул, что хотел бы повидать сегодня, если возможно, графиню. И, когда они вышли из ресторана, Савищев спросил у него:

– Так что же, вы теперь к нам? Вы ведь хотели видеть мою маман?

– Да особенно незачем! – возразил Крыжицкий, имевший вид хорошо и плотно поевшего человека, очень этим довольного и благодушного. – Незачем особенно! – повторил он. – Я могу в другой раз!

– Да нет, отчего же? Поедем!

И они поехали.

Графиня встретила Крыжицкого приветливо.

– А-а! Здравствуйте, милый! Ну, что наши дела? Есть какие-нибудь новости?

– Есть, графиня! – ответил Крыжицкий.

– Погодите, погодите, голубчик, я сейчас усядусь, и тогда вы рассказывайте!

И она, захватив свое вязанье, примостилась на кушетке, которую очень любила, потому что на кресле своими коротенькими ножками не доставала до пола.

– Ну вот, отлично! – снова заговорила она, зашевелив длинным крючком. – Рассказывайте теперь, какие у вас новости?

Крыжицкий сделал тревожно-грустное лицо и несколько раз провел рукой по шляпе.

– Новости не особенно приятные, графиня!

– Да неужели неприятные? – улыбнулась та. – Вот первый раз, когда вы мне говорите это, а до сих пор приносили все хорошие!

– Очень уж сложное дело! – вздохнул Агапит Абрамович.

– Да всякое дело сложно: вот хотя бы связать даже или сшить что-нибудь, вы думаете легко?

И она смеющимися, веселыми глазами посмотрела на Крыжицкого и покачала головой:

– Вы, мужчины, в это не верите... вот разве Костя только, – показала она на сына, – вдруг получил интерес к моим тряпочкам, но и то с тех пор, как у меня завелась прехорошенькая портниха.

– Ну, полно, – сказал Савищев.

– Ну что там «полно»? Разве я, миленький, не вижу всего?... Хочешь пари держать, что ты с удовольствием сейчас пойдешь в мою спальню и принесешь мне оттуда моток шерсти, которой мне недостает?

Савищев с некоторой поспешностью встал с места и направился к двери.

Графиня кинула вязанье на колени и маленькими ручками захлопала в ладоши, восклицая:

– Вот и попался, миленький! Вот и попался!.. В спальне-то никого и нет!

Савищев пожал плечами и сказал:

– Да мне никого и не нужно!

Затем он прошел в спальню, но не с такой, правда, поспешностью и стремительностью, с какой поднялся со своего места.

Агапит Абрамович, поймав его взгляд, выразительно посмотрел на него: «Помни, дескать, метрическое свидетельство!»

– Ну? Так что же ваши новости?... Я умираю от нетерпения узнать их, а вы ничего не рассказываете! – обратилась Савищева к Агапиту Абрамовичу, когда ее сын вышел. – Вы говорите, дело сложное?

– Да, графиня. Оберландовское наследство слишком многим пришлось по вкусу и многие точат на него зубы.

– Но ведь вы, миленький, говорите, что у нас есть все права?

– Но другие, хотя и ошибаются, тоже думают, что и у них есть права на него.

– Так Бог с ними, голубчик, пусть и они получают! Самое лучшее – разделить всем, вот и спора и споров не будет, и все будет отлично. Разве это почему-нибудь нельзя?

– Нельзя, графиня. Наши противники – очень сильные люди и хотят все целиком забрать в свои руки.

– Вы говорите, противники... – забеспокоилась Савищева, – значит их много?

– Много. Дело в том, что на это наследство претендуют иезуиты.

– Ах, иезуиты! Знаю! Про них говорят много дурного, да все это – неправда! Дедушка Модест Карлович знал Грубера и говорил, что это – идеальный человек. А дедушка Модест Карлович никогда не лгал!

– С тех пор, должно быть, иезуиты изменились! – произнес Крыжицкий. – И стали другими! По крайней мере, в нашем деле можно ждать от них больших неприятностей.

– Миленький, каких же больших неприятностей?.. Ну самое худшее, что это они получат наследство, а не мы... так что ж такое? Проживем и так! Правда ведь? Вы, голубчик, не огорчайтесь!

И снова, чтобы развеселить Агапита Абрамовича, который был огорчен, по ее мнению, тем, что им хотели помешать иезуиты, графиня подмигнула ему в сторону спальни, сказав:

– А ведь Костя-то пропал! Ведь моя портниха-то сидит там! Это я пошутила, что там никого нет!

Она быстро соскочила с кушетки, мелкими шажками направилась к двери и из соседней комнаты звонким для своих лет голосом крикнула к спальне:

– Костя! Что же моя шерсть?

Услышав голос матери, Савищев быстро отстранился от Мани, действительно находившейся в спальне графини, и быстро шепнул ей:

– Где тут шерсть лежит?

– Вот! – сказала Маня и, схватив моток, сунула его ему в руку.

– Сейчас, маман, иду! – на ходу ответил Савищев и удалился.

Маня, оставшись одна в спальне, быстро подошла к туалету, выдвинула ящик, взяла оттуда бумагу, только что положенную при ней Савищевым и, быстро расстегнув пуговицы на лифе, спрятала ее за корсаж.

Глава XX

Как ни был молод, силен и здоров Саша Николаич, то есть обладал всеми теми преимуществами, при которых человек лучше всего может бороться с житейскими неприятностями, все-таки случившийся переворот в жизни подействовал на него довольно тяжело.

В особенности, в первое время, когда, казалось, ниоткуда не было видно просвета, все это произвело на него угнетающее действие. Он, прежде веривший в дружбу, в идеалы, должен был разочароваться, как нарочно наткнувшись на такие типы, которые резко изменились по отношению к нему, как только он лишился своих средств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.